

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н О Е

И З Д А Н І Е.

Ч А С Т Ъ П Я Т А Я.

М А Р Т Ъ.

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ,

в ъ М е д и ц и н с к о й Т и п о г р а ф и и.

1821 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО:

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуешь, на основаніи узаконеній. С. Пешербургъ, Марша 12 дня 1821 года.

Цензоръ Стат. Сов. и Кав. Ис. Тимковскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

I. ИЗЯЩНАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

а) ПРОЗА.

Рѣчь Флавіана къ Θεодосію Великому	227.
Разговоръ Александра съ Діогеномъ	235.

б) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Мысли, почерпнушыя изъ VIII главы прищей Соломоновыхъ	242.
Гибель и спасеніе	245.
Едвинъ и Клара (<i>Баллада</i>)	248.
Заливъ Соренто	251.
Лилея	256.
Луна (<i>Басня</i>)	258.
Переводчику Андрوماхи	259.
Юному хвалищелю хвалимыхъ	260.
Къ Бабочкамъ	261.
Мадригаль	—
Перемяна мянія	262.
Эпиграммы	—

II. ПРАВЫ.

Люблю сердечно	264.
--------------------------	------

III. КРИТИКА.

Ошвѣсть на (шакъ названный) ошвѣсть

Г. Θ. Б. жищелю Галерной Гавани	275.
---	------

IV. ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

О Монтескьё и его швореніяхъ	291
--	-----

V. СМѢСЬ.

а) Состояніе изящныхъ искусствъ въ	
Испаніи	297.
б) Музыка	300.
в) Тарантелла	304.
г) Иностранная Липшерашура	307.
Опъ жишеля Галерной Гавани	310.
Имена мѣспъ и особъ, благоволившихъ	
подписаться на сей журналъ	317.

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

ИЗЯЩНАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

А) ПРОЗА.

РѢЧЬ ФЛАВІАНА КЪ ѲЕОДОСИЮ ВЕЛИКОМУ.

Ѳеодосій послалъ военачальниковъ съ войскомъ въ Антіохію наказать мяшежныхъ гражданъ, сокрушившихъ спатуи Императора и Императрицы Флакциліи, супруги его, давно уже скончавшейся. Флавіанъ, Епископъ Антіохійскій, не смотря на суровое время года, презрѣвши глубокую спарость свою и болѣзнь сестры, лежавшей на одрѣ смерти, немедленно отправился къ Государю просить прощенія согражданамъ.

Представши предъ лице Императора, спарець остановился въ нѣкошоромъ разстояніи, преклонивъ голову, хранилъ глубокое молчаніе, какъ единственнѣйшій виновникъ всѣхъ преступленій своихъ согражданъ. Θεодосій, при такомъ смятеніи пастыря, самъ къ нему приблизился, едва возводя взоры: столько сокрушался сердцемъ! — Но разгнѣванный Государь, казалось, уже расположенъ былъ къ милосердію. Въ крапкихъ словахъ изчисляя всѣ благодѣянія, которыя оказалъ онъ Антіохіи, при всякомъ случаѣ восклицалъ: „чѣмъ же я заслужилъ такія огорченія?“ Пошомъ продолжалъ: какая же несправедливоссть пребовала мщенія? мало было наругаться надо мною; несповые не пощадили мертвыхъ. — Пусшь я предъ ними виновень. Для чего же ругаться надъ шѣми, копорыхъ нѣшь уже болѣе, и копорые никогда не обижали ихъ? Не опличалъ ли я городъ вашъ опъ всѣхъ городовъ Имперіи? Я неперпѣливо желалъ видѣть Антіохію, безпреспанно говорилъ и не могъ дождашься той минушы, чшобъ лично доказать любовь свою къ гражданамъ и видѣть ихъ ко мнѣ приверженноссть.

Флавіанъ, пронупый сими справедливыми упреками, съ пляжкимъ вздохомъ прервалъ сіе глубокое молчаніе. — „Государь!“ вѣщаль онъ рыдающимъ голосомъ, „что несчастливѣе нашего города, прежде славнаго швоею къ нему любовію? исчезла слава сія; нынѣ оспался одинъ спыдъ. Разрушь его до основанія, преврапи въ пепель или испреби его осприемъ меча. Мы доспойны наказанія спрожайшаго, и весь міръ, успрашенный нашею казнію, признаешъ однако же ее слишкомъ легкою! мы дошли до шого, что уже не можемъ бытъ несчастливѣе подъ бременемъ швоего гнѣва, мы служимъ предметомъ омерзѣнія. Мы оскорбили въ лицѣ швоемъ всю вселенную, кошорая паче шебя воспашетъ на насъ. Одно средство оспашется намъ злополучнымъ: уподобисья милосердіемъ Господу; поруганный Своими шварями, Онъ опверзь имъ небеса. — Такъ, смѣю сказаць, великій Государь! получивши помилованіемъ, мы будемъ обязаны спасеніемъ единспвенно швоему снисхожденію; но пы озаришь себя шѣмъ болѣе блескомъ новой славы. Самое прешупленіе наше пригопо-

випъ шебѣ вѣнецъ, несравненно блистательнѣе того, коимъ Граціанъ украсилъ главу твою, ибо вѣнецъ сей будетъ вѣнцемъ добродѣтели. Народъ низровергъ спашуи твои: но ахъ! сколь легко можешь воздвигнуть новыя, гораздо драгоцѣннѣйшія! Спашуи сіи не будутъ, какъ безмолвные и и бранные памятники, игралищемъ на площадяхъ своевольной черни, но воздвигнутся милосердіемъ, будутъ существовать вѣчно, какъ самая добродѣтель. Онѣ будутъ воздвигнуты въ сердца каждого, — и сколько есть и будетъ на землѣ людей, столько ты будешь имѣть памятниковъ. — Нѣтъ; ни геройскіе подвиги, ни сокровища, ни обширность Имперій не могутъ доставить Государямъ споль непорочной и поспоянной славы, какъ милосердіе и крошость!

„Приведи себѣ на память наругательства мяшежниковъ надъ спашуями Константина. Царедворцы совѣтовали Государю опмстити. Монархъ, прикоснувшись рукою къ челу своему, съ улыбкою опвѣпствовалъ: успокойшесь, я неязвленъ. Побѣды сего знаменишаго державоуправителя большею частію забышы, но слова сіи не ис-

требились съ профетями. Онѣ услышаны
будущь грядущими вѣками и приобрѣшущь
Монарху хвалу и благословенія всего рода
человѣческаго. Но ахъ! нужно ли указывать
на примѣры другихъ? довольно показашь
тебя самому себѣ. Государь! вспомни о
великодушномъ вздохѣ, извлеченномъ изъ
успѣ твоихъ милосердіемъ. Предъ насшу-
пленіемъ Пасхи, всенародно объявивъ плѣн-
никамъ освобожденіе, а пресшупникамъ про-
щеніе, ты воскликнулъ: для чего не могу
воскрешашь мертвыхъ! Теперь чудо сіе
можешь сдѣлашь. Антіохія уже не болѣе—
какъ могила; жишели—прупы. Они умерли
до понесенія справедливой казни. Но единымъ
словомъ могущь бышь воскрешены шобою.
Невѣрные воскликнушъ: великъ Богъ Хри-
стіанскій: изъ людей шворишъ Ангеловъ
и дѣлаешь ихъ владыками Природы!—Не опа-
сайся, Государь; проспивши намъ, дашь по-
ползновение другимъ городамъ. Ахъ, нѣшъ!
учасшъ наша можешь шолько наводилъ
ужасъ. Въ безпрешанномъ шрепешѣ, каж-
дую ночь, каждый день мы ожидаемъ себѣ
казни, убѣгаемъ въ пущыни и предаемъ
люшымъ звѣрямъ, сокрывающь въ пещерахъ,

въ ущеліяхъ скаль. — Какой примѣръ для прочихъ. Разрушь Антіохію; но какъ нѣкогда Всемогуцій разрушилъ Ниневію. Испреби вину нашу прощеніемъ, воскреси любовь и признашельность, и да исчезнетъ память нашего злодѣянія. Непрудно сожечь дома и рассыпать сѣны; но вдругъ изъ мяшежниковъ сдѣлашь гражданъ вѣрныхъ и царелюбивыхъ, естъ подвигъ добродѣтели Божеспвенной. Какую побѣду одержишь единымъ словомъ! побѣду надъ сердцами всѣхъ людей. Какая награда ожидаетъ шебя предъ лицемъ Вѣчнаго! Онъ воздастъ шебѣ не полько за сей великодушный поступокъ; но и за всѣ дѣла милосердія, къ копорымъ возбудишь грядущія времена своимъ примѣромъ.

„Непобѣдимый Государь! шы не вняль моленіямъ опличнѣйшихъ своихъ военачальниковъ; не успыдись склонишься на слезы слабаго спарца, посланнаго опъ Царя Царей предъ шебя съ Евангеліемъ сказашь: ежели не оппустишь обиды нанесенной шебѣ; по самъ не получишь оппущенія опъ Царя (Опца) Небеснаго. Внемли, великій Государь; укропи справедливый гнѣвъ свой и даруй оппечеству нашему прежнее свое

благоволеніе; да возвращусь съ радостію и да прославлю съ народомъ своимъ милосердіе Бога и Государя. Горе Антіохіи, когда не престанешь взирать на нее окомъ гнѣва; уже не увижу, не признаю своего народа, сокрою въ опдаленной пустынь спыдъ и печаль свою; шамъ до послѣдняго вздоха оплакивашь буду погибель своего города, копорый изъ Монарха, самаго человеклоубиваго и кропкаго, сдѣлалъ неукропимаго.“

Слушая Флавіана, Императоръ всемѣрно спарался сокрыть горестъ свою. Наконецъ, не въ силахъ будучи удержашь слезы свои, воскликнулъ: „могу ли непроспипшь подобнымъ себѣ, когда Создатель міра, сдѣлавшись для насъ рабомъ, молилъ Ошца Своего, да помилуетъ мучишелей Сына, копорыхъ Онъ облагодѣшествовалъ.“ Флавіанъ, пронупый живѣйшею признашельностію, просилъ у Императора дозволенія оспашься въ Констаншннополь и провести съ нимъ праздникъ Пасхи. Но Θεодосій отвѣчалъ: „поспѣшай, Архипастыръ, къ народу своему и возвращи спокойствіе Антіохіи; упѣшь се своимъ присушствіемъ, какъ кормчій послѣ

жесткою бурі. Моли Бога, да избавлюсь
угрожающей войны, и тогда не замедлю самъ
посѣлить Антиохію. *

Съ Франц. И. Богдановъ.

*) Сія Рѣчь взята изъ Истории Восточной Имперіи, соч. Лебо.

РАЗГОВОРЪ АЛЕКСАНДРА СЪ ДІОГЕНОМЪ.

Единая добродѣтель составляетъ счастье и славу людей.

Александрѣ.

Какую жизнь избралъ себѣ ты, Діогенъ? Не лучше ли было, въ отвращеніе нищеты, служить у какого нибудь Государя, чѣмъ влачить презрительную жизнь, не имѣть дома, одежды, а часпо и куска хлѣба.

Діогенѣ.

Уже ли думаешь, что можно перенести бѣдность съ Наукою и добродѣтельною? Александрѣ, ты видишь одно пернѣе, а не знаешь сладкихъ плодовъ моего соспоянїя; будучи бѣденъ, я не спражду ошъ зависпи, но наслаждаюсь свободою и независимоспью. Твои несчастїя закрышы, а благополучіе манишь и ослѣпляешъ каждого: вошь вся разноспь между нами Верхъ блаженспва еспь не обладашъ предметами, но чувспвовашъ свое бла-

госостояніе. Мудрые, съ помощію разума, знаютъ настоящую цѣну своему счастью и несчастью: сравнимъ, ежели хочешь, наше состояніе и увидишь равенство или даже превосходство на моей сторонѣ.

Александръ.

И такъ если владычество, неразлучный спутникъ первенства между людьми, для тебя ничто, то, не говоря о знаменитости рожденія, не уже ли и слава завоеваній недостойна уваженія?

Діогенъ.

Еще менѣе. Проспительно, ежели бы ты родившись отъ крови Царей, помышлялъ единственно о благѣ народовъ; но какъ хвалишь опустошителя вселенной, которому замѣняешь мечъ все права и законы? Ты называешь честолюбіе величіемъ, ибо произвольно можешь украшать свои заблужденія пышными названіями. Чему дивишься? люди охотно возвышаютъ пороки, которыми сами подвержены; но знай, что мнимое сіе величіе — одно волненіе крови твоей и воспламененіе воображенія. Какъ? кровь твоя возгорѣлась, и для того вся Азія должна погибнуть! Да и какая честь при-

надлежитьъ тебѣ изъ всѣхъ великихъ завоеваній, копорыми щеславишься? Малая, ежели опдашь должную своимъ полководцамъ и воинамъ. Нѣтъ, ты не достоинъ счастья; ибо осыпанный дарами его, не могъ обуздашь себя; безпрестанно спремься къ крайности и на все отваживаясь. Александръ, чтобъ бышь великимъ, недовольно имѣшь великія качества; надлежитъ бережливо располагать оными.

Александръ.

И такъ что же почиаешь достойнымъ названія блага, если не Царской мой наслѣдственный вѣнецъ, пріобрѣтеніе славы и богатства.

Диогенъ.

Нѣтъ, я согласенъ называешь ихъ благами, только не первыми, не споль великими, какъ думаютъ; ибо они часто сопровождаются бѣдствиями. Счастіе самымъ любимцамъ своимъ продаетъ дары свои за дорогую цѣну и подъ тяжкими условіями. Самая бѣдность не споль великое зло, какъ Александръ думаетъ. Недоспапки нечувствительны безъ прихотей; и многія наслажденія мои тебѣ неизвѣстны. Добродѣ-

пель, по моему мнѣнію, есть первое благо, и одна заслуживаетъ всѣ опличія земныя; неразлучныя спутники ея: независимость, безмятежность, веселіе духа и спокойствіе чистой совѣсти. Ты самъ живо чувствовалъ, что величіе человѣка заключается въ самомъ человѣкѣ, когда сказалъ о Парменионѣ: „онъ прослъ и небреженъ извнѣ, но сіяетъ добродѣтелями души своей.“ Чтoby бытъ счастливымъ, ты долженъ былъ спараться о благополучіи другихъ, а непоработать ихъ и не обременять бѣдствіями. Но ты хотѣлъ бытъ только героемъ, а не великимъ, и пощому никогда не воображалъ, что побѣда надъ сердцами есть первое и благороднѣйшее завоеваніе. Беспрепятно алкая славы и богатства, скучая собственнымъ своимъ благополучіемъ, ты ежеминутно гоняешься за приманчивою славою, копорою увѣнчанный, уже не плѣняешься. Ты держался на высотѣ однимъ обольщеніемъ и себя и другихъ; предразсудокъ заграждалъ всѣ пути къ истинѣ; однимъ словомъ, Александръ жертвовалъ всѣмъ своему высокоумію.

Александръ.

Надлежишь другимъ разсудить, кто изъ насъ безумецъ. По крайней мѣрѣ я разсуждаю и заблуждаюсь, какъ всѣ прочіе; ежели только прославляешь себя великими завоеваніями, можно назвать заблужденіемъ.

Діогенъ.

Знаю, что большую часть людей будешь имѣть на своей сторонѣ, ибо мудрыхъ очень мало; но ты, хотя Монархъ, однако принадлежишь къ простому народу по образу мыслей своихъ. Всегда раболѣпствуя мнѣнію людей, ты поспавляешь все свое благополучіе въ сужденіи другаго, и счастливъ въ угодность прочимъ. Когда ты уважалъ самого себя или былъ собою доволенъ? Нѣтъ, ты считаешь себя недостойнымъ собственнаго почтенія, но упѣшаешься похвалами, хотя обманчивыми, и сею громкою молвою поддерживаешь свою слабость. Напрасно прикрываешься самолюбіемъ и уваженіемъ людей; истина иногда раздираетъ покровъ — и мечта исчезаетъ; тогда не смѣешь взглянуть на самого себя, и чтобы убѣжать опъ Александра, Александръ пускается въ завоеванія. Непостоянство, сопровождаемое волне-

ніемъ, замѣняешь нѣкоторымъ образомъ благополучіе. Твоя забава гоняшься за предметами, а не наслаждаешься ими. Умѣренность и покой имѣють нѣчто великое, опличающее независимость. Я имѣлъ сполько пвердоспи, что презрѣлъ всѣ приманки славы и удовольствовался безизвѣстностію. А пы не имѣлъ ни мужества опасаться безвѣстнымъ, ни ума наполнить пустошу времени.

Александръ.

Какая оскорбительная гордость! развѣ пы забылъ, что всѣ мои подвиги были прославлены Орапорами, воспѣны Спихопворцами, преданы безсмертію дѣписашелями и приводяшь въ удивленіе весь родъ человеческой.

Діогенъ.

Напрасно опытность почишаешь гордоспію. Люди хвалили не то, что Александръ сдѣлалъ; но чего опъ него ожидали. Ты никогда не былъ уважаемъ за добродѣшель и благодравіе, но за санъ Владыки. Такъ называемая шобою слава — кумиръ, кошорому всѣмъ жерпвуешь, по моему мнѣнію, пустой звукъ, зависящій опъ своевольнаго счастья. Не понимаю, какъ можно уважать общее

знѣніе тѣхъ, которыхъ частно призираемъ. Александръ! знай, что одна добродѣтель ведетъ къ безсмертію. Что твое могущество?— свобода дѣлашь непопозволенное; — богатство? — новыя прихопи; твои желанія? — уничиженіе челоѳчества. Но величайшее удовольствіе Александра наслаждашь тѣмъ, чѣмъ другіе не наслаждающся: удовольствіе злобое, происпекающее опъ надменности. И шакъ я сравнялся съ шобою; ибо могу уменьшишь мнимыя твои преимущества предъ нами, и увеличишь свои блага. Можешь бышь я не уступаю тебѣ и въ достоинствахъ; ты самъ чувспвовалъ сіе, когда однажды сказалъ: „еслибы я не былъ Александромъ, то желалъ бы бышь Діогеномъ.“

Съ Франц. И. Б.

6) СТИХОТВОРЕНІЯ.

МЫСЛИ, ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ VIII ГЛАВЫ
ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХЪ.

Всѣ земнородные внимлите
Священной испины словамъ,
Скорѣ смершныя теките
Премудрости въ неплѣнный храмъ;
Спрашитесь, крошкіе, коварства,
Лишенные Наукъ богатства,
Сердечь своихъ склоните слухъ:
Свяпыней чувства озаренны,
Уста разврата удаленны
Провозвѣщаютъ правый духъ.

Сѣдипь премудрость у могущихъ,
При веряхъ опверстныхъ врапъ,
И слышишь похвалы поющихъ
Внутри свяпилищныхъ оградъ:
Совѣтуешь и назидаетъ,
Творишь, крѣпишь и просвѣщаетъ;
Она соцарствуетъ Царямъ,
Собой земные красить проны,
Даетъ спасительны законы
И благодать земли сынамъ.

Отпринувъ злобныя коварства,
 Къ небесной славы кажеть пушь,
 Являеть ключъ, гдѣ всѣ богатства
 Возможно смѣло почерпнуть;
 Свои сокровища драгія
 Ліеть на области земныя.
 Премудрость истины спезей
 Всегда не прешковенно ходишь;
 И оправданіе приводишь
 Въ домъ согрѣшающихъ людей.

Возсѣвъ смиренно на престолахъ
 Царей первоначальныхъ лѣтъ,
 Вѣщала о себѣ глаголы:
 „Познайте данный мнѣ завѣщъ;
 „Доколѣ не была вселенна
 „Устроена и украшенна,
 „Когда среди морей и рѣкъ,
 „Спруи не пробѣгали скоры,
 „Земли не шягопили горы;
 „Меня Творецъ создалъ до вѣкъ. —

„Верховный міра Царь гоповиль
 „Высоко зданіе небесъ;
 „Тогда избралъ и удоспоиль
 „Меня учаспницею чудесъ.
 „Лешаль ли въ областяхъ воздушныхъ
 „На вѣпра крыліяхъ послушныхъ,

„Я купно съ нимъ пруды несла;
 „Воспламеняль ли огонь свѣпила,
 „Пускаль ли на моря кормила,
 „Я не разлучна съ нимъ была.“ —

Счаспливъ, въ комъ живь и созрѣваетъ
 Премудроспи духовный плодь,
 Кпо, спранспвуя, благословляетъ
 Ея вспупленье здѣсь, исходъ;
 Исходъ торжествъ — порука вѣрной
 Ушѣхъ и жизни безпредѣльной;
 Но горе суешы сынамъ!
 Коль сердце чье неблагодарно,
 Ее привѣшшвуешъ коварно,
 Топъ обрѣшаетъ смерть и срамъ.

Графъ Хвостовъ.

Февраля 21 дня.

1821 года.

Все гибнешь... Но ужель спасенья нѣшь?
 Вяля смертныхъ вопль Спаситель...
 Царь — славы возгремѣль... и злобный палъ
 во прахъ!

Спрахъ злобнымъ! спрахъ!
 Чшо зрю? не міра ли кончина?
 Возспаль на брапа — брапъ,
 Опець возспаль на сына...
 Повсюду зло, раздоръ, разврапъ...
 Повсюду ужасы, крамолы, —
 Всемирна брань! — падушъ престолы...
 Дымятся храмы... алтари! —
 Трепещуть Царства и Цари!!
 Кѣмъ низпровергнешя губитель?
 Кѣмъ міръ избавится ошъ бѣдъ?
 Все гибнешь... но ужель спасенья нѣшь? —
 Вяля смертныхъ вопль Спаситель...
 Царь — славы возгремѣль... и злобный палъ
 во прахъ

Спрахъ злобнымъ! спрахъ!
 Гласишь безумецъ изступленной:
 „Мнѣ равныхъ нѣшь —
 „Я царь побѣдъ...
 „Я божество вселенной!...
 „Воззрю — и мнѣ гошовъ алпартъ, —
 „Реку — и низпровержень Царь...
 „Подвигнуся и — Царства въ прахъ.
 „Сражу... и міръ въ плѣну и въ спрахъ...
 „Я пварей и земли судьба!...“

Но . . . Ада мрачнаго раба
 Крушишь небесь Властитель? —
 И гдѣ кичившійся губитель? —
 Съ позоромъ въ прахъ низшелъ . . .
 И въ міръ — миръ разцвѣль! —

Плещи вселенная! ликуйте смертныхъ роды! —

Надежный вѣры гласъ

Любовію соединилъ народы

Царь — славы — среди насъ!

Сіонь! возвесели всѣ чувствія свои,

И возведи окрестъ поржешественныя очи,

Оть Юга, Запада, Востока и Полночи

Спекающа къ тебѣ сыны твои;

Грядущъ съ безцѣнными дарами:

Духъ Вѣры, къ Господу восторгъ!

Различными успы — едиными сердцами

Гласящъ: миръ, слава, счастье . . . все Богъ!!

Плещи веленная! ликуйте смертныхъ роды!

Надежный Вѣры гласъ

Любовію соединилъ народы . . .

Царь славы — среди насъ!

С. Висковатовъ.

Е Д В И Н Ъ И К Л А Р А ,

(Б а л л а д а .)

„Всеблагій Творецъ вселенной,
„Дѣвы въ кельѣ заключенной
„Жалобный услыши гласъ!
„Близокъ посприженья часъ;
„Пламенемъ любви стараю;
„Миръ неволей оставляю;
„Ждешь меня свящый олшаръ;
„Подкрѣпи, Небесный Царь!
„Скоро часъ ударить слезный;
„Подкрѣпи, Ощецъ Небесный!
„Страсъ къ Едвину погаси!
„Дѣву бѣдную спаси! “

Такъ моленья возсылала,
Къ небу длани проспирала
Клара блѣдная, въ слезахъ;
Свѣтъ померкъ въ ея очахъ.
„Ахъ, прости Едвинъ на вѣки!
„Клары жребій — лишь слезъ рѣки;

- „Безъ меня счастливымъ будь,
 „Клару бѣдную забудь!
 „Сстрогій постъ и покаянье
 „Облегчашъ мое спраданье
 „И опкроюшъ къ гробу пушъ.
 „Клара, милаго забудь!
 „Нѣшъ, забышъ его не въ силахъ!
 „Охладилъ одна могила
 „Пламень, лющійся въ крови;
 „Буду живъ я для любви.
 „Ахъ, приди, мой упѣшилъ,
 „Къ Кларѣ въ пихую обилъ,
 „Скорбь души моей разсѣй;
 „Ахъ, приди, приди скорѣй!
 „Близко, близко посприжене!
 „Ошъ шебя жду избавленья,
 „Ошъ Творца защиты намъ.
 „Скоро повлекушъ во храмъ,
 „Разлучашъ на вѣкъ съ безцѣннымъ,
 „Тамъ, подъ осприемъ священнымъ,
 „Вижу, сыплются власы!
 „Въ горѣ пошекушъ часы
 „Въ кельѣ скучной и ужасной.
 „Ахъ, леши, Едвинъ, къ несчастной!
 „Ранній гробъ уже гошовъ;
 „Слышу звонъ колоколовъ.
 „Онъ опшельницъ созываетъ,
 „И огнями храмъ блишаетъ;
 „Часъ приходишъ роковой!

„Гдѣжь Едвинь, спаситель мой?
 „Идушь: шумъ шаговъ внимаю!
 „Слезы, васъ я презираю.
 „Тамъ, подъ крышкой гробовой,
 „Разлучусь на вѣкъ съ поскою;
 „Тамъ забуду всѣ поперѣ.“ —
 Вдругъ опверзлись съ шумомъ двери,
 И въ лампадѣ огонь погасъ:
 Наступилъ ужасный часъ!
 И опшельницъ хоръ печальный
 (Всѣ въ одеждахъ погребальныхъ)
 Жершву рока окружилъ,
 Бласяницею покрылъ
 И повлекъ во храмъ Владыки.
 Тамъ священные дѣвъ лики
 Глухо въ сводахъ раздались,
 Съ вопдемъ Кларинымъ слились.
 Ночь шуманы распилала,
 Въ облакахъ луна мелькала,
 Въсперъ дулъ холодный съ горъ,
 Колебаль пуспынный боръ;
 Все дремало; лишь клубились
 Волны моря и дробились
 Объ утесы на брегахъ,
 Опзываяся въ горахъ;
 И въ Обипели священной,
 Въ сонъ глубокой погруженной,
 Лишь запоръ воропъ скрипѣль,
 И въ ущельяхъ въспрѣ свиспѣль.

Въ часъ безмолвныя полночи,
 Успремя на море очи,
 Клара къ берегу идешь,
 Друга милаго зовешь:
 „Ахъ, приди, Едвинъ, къ несчастной,
 „Изъ Обишели ужасной,
 „Другъ, невѣспу извлеки;
 „Силой мощныя руки
 „Ты сорви покровъ печальный!
 „Факель пускльй погребальный
 „Въ свѣплый, брачный преврапи
 „И мученья прекрапи!
 „Ты нейдешь, и я спрадаю,
 „Тщешно слезы проливаю;
 „Сонъ опъ глазъ моихъ бѣжишь;
 „Камень на сердцѣ лежишь!
 „Ахъ, приди, приди, любезный,
 „Осуши испочникъ слезный,
 „Скорбь души моей разсѣй,
 „Ахъ, лепи, лепи скорѣй!“
 Тяжко бѣдная вздыхаешь,
 Эхо споны повпоряешь.
 Скрылась въ облакъ луна,
 Воцарилась пишина.
 Изъ тумана показался,
 Тихо къ Кларѣ приближался
 Призракъ блѣдный, гробовой
 Съ озаренною главою;
 То являлся надъ волнами

Съ распроспертыми руками
 И въ объяхъ Клару звалъ;
 То въ шуманъ пропадалъ.
 „Ты ль, Едвинъ? . . . мечта пустая!
 „Будь защитой, Пресвятая!
 „Клара, ложный страхъ опкинь!
 „Кпо ты? Духъ иль мой Едвинъ?
 „Ты вздыхаешь! нѣтъ сомнѣнья!
 „Прочь, мечты воображенья!
 „Я тобой, Едвинъ, дышу!
 „Я пвоя! къ тебѣ спѣшу!“
 Тщепно руки проспираешь;
 Море Клару поглощаешь,
 Призракъ быспро улещѣлъ,
 Смерть опшельницѣ удѣлъ.
 Море грозно взволновалось,
 До вершины скаль вздымалось,
 Ёшпръ завылъ, раздался спонъ
 И смѣшался съ шумомъ волнь.

П. А.

ЗАЛИВЪ СОРЕНТО,

С т а н с ы.

Соренто! я люблю, подъ мраками Природы,
И ревъ пвоихъ валовъ и ропоть ихъ глухой,
Люблю я въ часъ грозы смопрѣшь на пѣнны
 воды,
Какъ молнія скользишь въ нихъ свѣсплой боро-
 здой.

Ахъ! для меня въ нихъ образъ совершенный
 Минувшихъ, гореспныхъ годовъ. . . .
Иду, въ ноци, на брегъ уединенный
 И вслушиваюсь въ шумъ валовъ.

Душѣ опчаянной прїятно ихъ волнение! . . .
Но если, послѣ бурь, дыханье вѣсперка
Играя, приведетъ поверхность водъ въ движенѣе
И мелкою спруей подернетъ ихъ слегка;
 Умолкнетъ поншь, опъ бури усмиренный;
 Тогда, въ глуши ночныхъ часовъ,
 Спѣшу ипши на брегъ уединенный
 И слушапъ помный шумъ валовъ.

Тогда, небесный сводъ подъ темной пеленою,
 И море, въ пишинѣ храня свой грозный видъ,
 И въ глубину воды бросаеый луною
 Дрожащій, блѣдный свѣтъ, — все, будто, мнѣ
 пвердишь:

„О странникъ сей юдоли, упоженный
 „Подъ ношей жизни и трудовъ!
 „Приди, возсядь на брегъ уединенный
 „И вслушивайся въ шумъ валовъ!“

Но чѣмъ мои мечты внезапно прервалися?
 На полныхъ парусахъ корабль сюда плывесть!
 Волшебны звуки флейтъ, гобоевъ раздалися....
 Очарованіе восторги въ душу льетъ!

Вошь ближе онъ.... и эхи отдаленны
 Гуль вторяшь многихъ голосовъ:
 „Сойдемъ въ ночи на брегъ уединенный
 „И спанемъ слушаешь шумъ валовъ.“

Вошь.... множеству огней все судно освѣщило,
 И глосъ кормчаго достигъ моихъ ушей....
 Вошь.... судно къ берегу чрезъ мели привалило;
 Я къ нимъ — и вдругъ они исчезли опъ очей!
 Лепишь корабль по безднѣ возмущенной;
 Лишь вѣпръ наносишь звуки словъ:
 „Придемъ опять на брегъ уединенной
 „И спанемъ слушаешь шумъ валовъ!“

О! кто вы, смертные ль полпы ли привидѣній?
Зачѣмъ бѣжите вы, не дожидаясь дня?
Прелестны жилили коралловыхъ селеній!
Прихождомъ вашимъ вновь обрадуйте меня!
Подобно вамъ и я, въ часы священиы,
Какъ ночь накинеть свой покровъ,
Иду сюда, на брегъ уединенный
И вслушиваюсь въ шумъ валовъ.

Соловъ.

Л И Л Е Я.

Въ глуши цвѣла прелестная лилея,
Лилеи красотою гордился дальній лугъ,
И крылушкомъ зефирь пахнушь ее не смѣя,
Вздыхаль и рѣзвился вокругъ.

Но луговая жизньъ лилеѣ горделивой
Казалась низкою: — „о Флора, наша мать!“
Она воскликнула — , за что мнѣ пропадать
Здѣсь, на ряду съ презрѣнною кропивою?

Покину доль; услужливой зефирь,
Меня, пустынь безвѣстную царицу,
Снеси въ роскошную столицу!

Я тамъ увижу новый міръ.“

Промолвила. Зефирь послушной
Вдохнуль и, съ легкостью воздушной,
Къ уборной Вариньки. невѣсты городской,
Повѣяль и на вѣкъ съ люб зною просидѣя;
Въ граненомъ хрусталѣ цвѣточикъ разпустился;
Къ нему придворные, красавицы попой,
Женихъ имъ восхищенъ и, улыбаясь Варѣ,
Бренчить сравненье на гишарѣ
Ея невинности съ лилейной бѣлизной.

Лилея внѣ себя. Но яворовъ гдѣ лозы,
Защипа вѣрная опъ солнечныхъ лучей?
Гдѣ упренней зари пишпельныя слезы?
Гдѣ лугъ родной, зефиръ, живительный ручей?
Ужель ихъ замѣняшь: хруспаль, гишары звуки
И восклицанія вралей?
Ахъ, нѣшь. Проспыль воспоргъ; увяль на лонѣ
скуки
Цвѣшокъ рожденный для полей.

Гр. Е. К-й.

Л У Н А.

(Басня).

Едва спустился Фебъ въ объятія Фепиды,
 Діана вскрикнула: не будешь вамъ обиды,
 О жипели земли! по милоспи моей
 Не пошеряете изъ брашнинныхъ лучей
 Ни одного... Зимою, лѣпомъ
 Васъ буду озаряшь безъ зною милымъ свѣшомъ.

И переводчикамъ присловица нужна:
 Чужое уловя, на Пиндѣ мы луна.
 Пустьъ свѣшипъ въ ночь она,
 Но съ солнцемъ никогда не можешь бышь равна.

*Переводчикъ Андромахи и Науки
 стихотворной.*

ПЕРЕВОДЧИКУ АНДРОМАХИ.

(На случай пятого изданія перевода сей
прекрасной Расиновой Трагедіи.)

Пусть современники красоть не поспигають,
Копорыми вездѣ пвои стихи блестятъ;
Пускай *отъ зависти* ихъ даже не чипають,
И имъ забвеніемъ грозятъ!
Не вѣрь Зоиламъ симъ: они шипятъ изъ праха,
Ни дарованія, ни вкусъ имъ не даны,
Коль Герміона, Пирръ, Орестъ пвой, Андромаха,
Имъ кажутся смѣшны . . .
Хвостовъ! будь твердь и не спрашисъ забвенья:
Твой славный переводъ Расина, Буало,
Въ награду за труды и дивное терпѣнье,
Врагамъ, *завистникамъ* на зло,
Въицемъ безсмертія вѣнчалъ пвое чело.
Такъ, пакъ; пвои стихопворенья
Въ попомствѣ будутъ всѣ чипашъ
И слезы сожалѣнья
На мавзолей пвой проливатъ.

ЮНОМУ ХВАЛИТЕЛЮ ХВАЛИМЫХЪ.

Томуль, кто міра за предѣлы,
 Полепомъ юныхъ орлихъ крыль,
 Сквозь зависпи и злобы спрѣлы,
 Къ попоку свѣта воспариль!

Земли посредникъ съ небесами,
Вселенну лѣряя очали,
Пріемлетъ горы за олтарь,
 Решивый первенецъ орлиный!

Томуль спрашиться *паутины?*
 Спряхни ногой, крыломъ ударь!

* * *

Дерзай! и въ доблестномъ полетѣ
 Юдоль земную презирай!

Чпо въ семь ничпожномъ, жалкомъ свѣтѣ
 Воздушнымъ жипелямъ? . . . дерзай!

Чпо гласъ пѣвцу *друзей кимвальной?*
Вѣнокъ срываемый случайно?

Чпо вкусъ и знанье языка?

Ему *престолъ — восходъ денницы;*
 Подъ спройный звукъ его цѣвницы
 Текушь и *вѣки — и вѣка.*

КЪ БАБОЧКАМЪ,
*нарисованнымъ К. П. П. Ю * * **

Прекрасны бабочки! въ васъ добрая Полина
Волшебной кистью жизнь влила:
Какъ вы, была она прелесна и невинна;
Какъ вы — она одно лишь лѣпо прожила!

Соловѣ.

М А Д Р И Г А Л Ъ
Двумъ милымъ сестрамъ.

Которая изъ васъ прекраснѣй?
Скромнѣй чувствительнѣй умнѣй?
Которая сердцамаъ опаснѣй?
Чей голосъ сладостнѣй, нѣжнѣй? . . .
Здѣсь всякой бы колдунъ въ догадкахъ разше-
рялся,
И съ сердцемъ бы судья разспался!

ПЕРЕМѢНА МНѢНІЯ.

Я прежде думалъ, въ заблужденьѣ:
Любовь — минутное лишь только наслажденье;
Но, встрѣпясь съ милою моею,
Узналъ я, что любовь есть благо жизни сей.

ЭПИГРАММЫ.

І.

ПОДРАЖАНІЕ МАРЦІАЛУ.

(Кн. І., Эпиг. 58.)

Ты хочешь знать, какихъ красавиць я люблю?
Кокетковъ я бѣгу, суровыхъ не терплю;
Излишество избѣгать — вопль плодъ моихъ су-
жденій:
Спрашусь отказовъ я и легкихъ наслажденій.

2.

Имѣя умъ, чины, достоинства, въ карманѣ.
Дамонъ женился на Вѣщанѣ . . .
Чпожь вышло изъ того? не надо много словъ:
Жена живехонька, а онъ бѣдняжка *вдовъ*.

П. Р-нѣ.

3.

„Неблагодарныхъ нѣтъ!“ Скопиловъ увѣряешь,
Друзья! васъ это удивляетъ?
Но объяснишь сію загадку вамъ пора:
Не сдѣлавъ никому добра,
Неблагодарныхъ онъ не знаетъ.

II. Н Р А В Ы.

Л Ю Б Л Ю С Е Р Д Е Ч Н О.

(Подражаніе Французскому.)

Въ Природѣ два языка: языкъ откровенности для всѣхъ понятный и языкъ скрытности, копорый всѣ стараются понимать и никто не понимаетъ.

Можно было бы написать цѣлые фоліанты о злоупотребленіи словъ, если бы мы имѣли время собирать всякую ложь, копорую обыкновеніе заставляють говорить и самыхъ *тестныхъ* людей, или если бы вчерашній обманъ не изглаживался изъ памяти сегодняшнимъ. Да и къ чему писать книги? Многихъ ли онѣ исправили? Демонъ не убѣдительно ли всѣхъ настоящихъ и будущихъ умешвованій и, люди не только не избѣгаютъ его искушеній; но столь глупы, что воздвигаютъ ему алтари. Кто былъ Плу-

пущь? Демонъ. Венера и почпенный сынокъ ея? Демоны. Марсь? Демонъ. Минерва? О, благодаря Минервѣ, въ храмахъ ея пѣснопы не бываешъ. Къ чему всячески обижашъ бѣдную богиню.

Говоряшъ, повшоряющъ намъ, что Плущь, Венера и Марсь были божества или демоны язычниковъ и что мы должны ими гнушашъся. Но имѣли ли они когда почпашелей сполько, какъ нынѣ? Нѣшъ ни одного богапаго дома, гдѣбъ не поселился Плущь; нѣшъ уголка, въ кошоромъ бы не курился фиміамъ плупишкѣ Амуру, и вся наша молодежь гошова зазвенѣшъ шпорами и заспучашъ саблями. Язычники! суще мы язычники!

Но опъ *языковѣ* я добрался уже до *язычниковѣ*! Не слишкомъ ли далеко? Точно, лучше возвращушъ на скромное мѣспо, назначенное мнѣ Природою. Такъ говорилъ мнѣ почпенный Ариспархъ Тимошеевичъ Правдолюбовъ. Хотя я не корысполюбивъ, но всѣхъ людей люблю сердечно, чужаго не возьму, да и моего не шронъ; я долженъ, и чшобъ могъ заплапшъ, надобно чшобъ и мнѣ заплапили долгъ.

Вопшь, что заспавило меня иппи къ одному изъ своихъ задушевныхъ друзей, котораго я одолжилъ деньгами на честное слово, да и какъ было просить векселя или росписки съ друга? Онъ оставилъ меня у себя завшпакать: вино налитое другомъ и мѣпеть какую-то особенную пріятность, Проглошя послѣдній кусокъ старой куропашки, запивъ его молодымъ виномъ, напомнилъ я другу о десяти тысячахъ рублей, которые онъ мнѣ долженъ. „Ахъ,“ любезный мой, ты не можешь вообразить, какъ мнѣ совѣстно быть такъ долго своимъ должникомъ. У меня нѣтъ копѣйки въ карманѣ, а сего дня непременно мнѣ надобно явиться, по нѣкоторому дѣлу, въ судъ. Каждый день я занимаю деньги у людей, которыхъ ни мало не люблю и которыхъ принужденъ платить въ срокъ. Любезный другъ, ссуди меня еще десятью тысячами и вѣрь, что онѣ будутъ въ вѣрныхъ рукахъ; ты знаешь, что я себя люблю *сердечно*. — Помилуй брапецъ, я самъ занялъ двѣдцать тысячъ рублей и завшпра срокъ моему векселю. Любезный мой другъ нахмурилъ брови, кивнулъ слугѣ, который

подойдя, несвязно доложилъ ему, что ея сіяшельство Графиня Съдырева три раза уже присылала. Мой любезный другъ сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ ея сіяшельство заславить ждашь себя, что ея сіяшельство *любитъ* его *сердечно*: а любезный другъ мой кривъ, супулованъ и хромъ! Взавъ шпросъ и шляпу, онъ уходилъ и оставляетъ меня бесѣдовать съ своимъ лакеемъ. Я вышелъ вслѣдъ за любезнымъ другомъ.

На улицѣ встрѣшилъ я съ заимодавцемъ, которому долженъ двѣнадцать тысячъ рублей. Онъ подошелъ ко мнѣ съ пріяпнымъ видомъ. „Какъ я радъ васъ встрѣпя, надѣюсь, что вы помните послѣдній срокъ вашему векселю. Я покраснѣлъ, поблѣднѣлъ, смѣшался; едва могъ сказать ему, что самъ не получаю долговъ.“ Жаль, весьма жаль — отвѣчалъ онъ — но я также долженъ и если вы завпра не заплатите деньги, по вексель вашъ будешъ поданъ ко взысканію и деньги попребуютъ чрезъ Полицію; это для меня весьма прискорбно, пошому, что я васъ *люблю сердечно!* Но чемъ пособишь?

Сосрадапелный мой заимодавецъ имѣеть годоваго дохода ппдеспть тысячъ рублей и не прожпваепть десяти; но что опвѣчаепть на споль сильныя его убѣжденія? Не желая поспшпть *городскую*, надобно придуматъ средспво какъ бы ее пзбавпсья. Я опнесъ въ Ломбардъ всѣ женныя бриліанты и всю серебряную посуду — и для чего? Для того, что одинъ мнѣ не плапшпть, а другой хочепть, чтообъ я ему плапшпль: а, кажешся, оба *любятъ* меня *сердечно*.

Трудно, весьма трудно хозяину неспть вещи свои пзъ дому въ Ломбардъ; однакожь я всегда былъ увѣренъ, что несчастія преодолѣваютсъ перпѣнпемъ. Чтообъ лучше сохрпшпть перпѣнпе, я пошелъ обѣдатъ къ одному своему знакомому, копорый за двѣ недѣли предъ смпъ женился и копорому я высвалалъ невѣспу. Жена моя оспалась дома: женщина съ дарованіемъ всегда найдепть, чемъ прогнаепть скуку.

Новобрачные прпняли меня, какъ спарпннаго своего друга. Молодая подошла ко мнѣ, пропшпнула свой подбородочекъ; а я поцѣловалъ ее въ самыя губы — за чемъ не въ щеку? спреспть, можепть быепть, нѣкопорые

изъ чипашелей; — чшобъ роза со щеки не оспалась у меня на губахъ, Мм. Гг. Молодой пожалуй у меня руку; незнакомой мнѣ кавалерійскій офицеръ, вмѣсто поклона, спукнулъ шпорами; а прочіе гости не обрапили на меня и вниманія.

Сѣли за споль, Шампанское запѣнилось, разговоръ оживился и — несчастія забышы.

Лишь шолько выши изъ за-стола, докладываюшъ моему пріяпелю о бриліаншцикѣ, за кошорымъ посылала его судруга. „Скажи ему, чшобъ онъ пришелъ въ другой разъ, а шеперь не время. — Посмошрѣшь на хорошія вещи всегда время; — Но, моя милая! — Но, мой милый! — Если непременно хочешъ, шо пушь онъ войдетъ.“

„Ахъ, мой другъ, какія прекрасныя сережки! какое неподобное кольцо!— Но у шебя все эшо ешъ; къ чему шебѣ еще? — Мой милый, миленькій! я шебя *люблю сердечно*, не опшкажи мнѣ въ эшѣхъ бездѣлицахъ. При сихъ словахъ она цѣловала судруга; а руку ее, кошорую держала назади, цѣловаль офицеръ. Она, примѣшя, чшо я видѣлъ ее уловки, засмѣялась. „Какъ думаешъ, другъ мой, „въ шо время какъ шы меня обнимаешъ,

„говорить она мужу, Лидинъ (фамилія офицера) цѣлуетъ мою руку?—Признаюсь, это забавно. — Но, ты милый забылъ о серьгахъ и колечкѣ?—Переспань ребячишься.—Какой ты упрямый; развѣ я не сказала тебѣ что я тебя люблю *сердечно*—Это хорошо, однакожь....— Если тебѣ жаль денегъ, то я возьму однѣ только серьги.“

Сказавъ сіе она взяла ихъ отъ бриліанщика и положила на свой шуалешъ. „Ты знаешь, что Лидинъ завтра ѣдетъ въ полкъ; ты другъ ему и я хочу чтобъ онъ имѣлъ отъ тебѣ что нибудь на память.“ При сихъ словахъ взяла она бриліантовое кольцо и надѣла его на палецъ Лидина. Супругъ нахмурился, подумалъ и разсудилъ, что неприлично при десяти чловѣкахъ поспороннихъ казаться скупымъ, заплатилъ за все сполна, и почувствовавъ, можетъ быть, сдѣланную имъ глупость и желая оправдать ее, сказалъ намъ прогашельнымъ голосомъ: „Какъ опказалъ женѣ, которая *насѣ любитъ сердечно*?“ Офицеръ улыбнулся, я пожалъ плечами, прочіе госпи ничего не видѣли, ничего неслышали и осушали спаканы. Проспаясь съ хозяевами я вышелъ.

Чтобъ скопитьъ деньги на выкупъ изъ-подъ залога вещей, есъ только два средства: или убавишь расходовъ, или прибавишь доходовъ. Я не стану давать споловъ, а буду самъ обѣдать у другихъ, думаль я; поспараюсь выхлопощать для себя какое нибудь выгодное мѣсто; мнѣ вѣрно въ немъ не откажутъ, потому что Графъ N. N., которому я часто помогаль деньгами и который называль меня другомъ за двадцать лѣтъ до сего, теперь въ большой силѣ.

Будучи твердо въ этомъ увѣренъ, пошелъ я къ Графу N. N. У дверей встрѣшилъ меня дородный, надменный швейцаръ и опивѣчалъ, не обращая даже на меня своего вниманія, что его сіяшества нѣтъ дома. Я спросилъ позволенія нависать нѣсколько спрокъ его сіяшеству. Швейцаръ, ввѣль меня въ свою комнату, и подаль лоскушокъ бумажки, чернилицу и перо. Объяснивъ на бумагѣ его сіяшеству мою нужду, подписалъ: *твой старинный другъ*. Швейцаръ, взглянувъ на сію подпись, изъ грубіана сдѣлался учтивѣйшимъ человекомъ. Схвапиль записку, побѣжалъ, опдалъ ее слугѣ, эшошь вшорому, вшорой прешьему. Черезъ нѣсколько минушь чешвер-

ный опрометью бѣжипь съ лѣспницы и просипь меня пожаловашь къ его сѣшельсшву.

Графъ вспрѣпилъ меня въ пріемной съ улыбною удовольсшвія, взялъ меня за руку, ввелъ въ свой кабинетъ, засшавилъ меня сѣспь; наговорилъ пысячу учпivosпей; жалѣлъ, что непредупредилъ меня своимъ посѣщеніемъ; радовался, что послѣ столькихъ лѣшъ опяшь сомною увидѣлся; пѣнялъ мнѣ, зачемъ, приѣхавъ въ спольцу уже болѣе полгода, не посѣпилъ его прежде. Угадывалъ, что у меня есть до него нужда и увѣрлялъ въ своей гошовности быпъ мнѣ полезнымъ.

Я спалъ просипь его о мѣспѣ.... онъ не далъ мнѣ договорипь: „Вы его получите, „непремѣнно получите, эшо мѣспо даешъ „по крайней мѣрѣ десяпъ пысячъ въ годъ, „и кому лучше заняпъ его, какъ не шому, „кого я люблю *сердечн*? Сказавъ сіе, онъ „пожалъ у меня руку. Явшесь завшра къ „Князю * * *.

Вошъ примѣрный человекъ, думалъ я, идущи домой; почесши и богашсшво не ослабили его памяти.

На другой день спѣшв къ Князю*+*. Князя нѣшъ дома. Вспрѣчаюсь съ его Секре-

шаремъ, объясняю ему мое дѣло и узнаю отъ него что мѣсто, о коемъ я такъ спараюсь, отдано вчера ввечеру брату какой-то шанцовщицы по просьбѣ Графа N. N., моего стариннаго друга, копорой *любитъ меня сердечно.*

Это меня огорчило, взбѣсило. Бѣгу къ Графу, кричу, бранюсь; Швейцаръ хочеть меня вышолкашь за дверь, я прошивлюсь; приводяшь полицейскихъ, меня берутъ въ полицію, гдѣ совѣшуютъ мнѣ впередъ не шумѣшь у знапныхъ господъ. Тутъ я опампавался и далъ обѣщаніе бышь осторожнѣе. Меня оппустили. Возвращаясь домой, съ прискорбіемъ повпорялъ я: „Неблагодарный! обманщикъ! жаль мнѣ руку и съ опкровенносшью увѣрять что *любитъ меня ,детно.*“

Я удалился отъ людей; проводилъ время съ своей женою, копорую я избавилъ отъ бѣдноспи, копорая добра, нѣжна, признашельна и молода, и копорая, по словамъ ея, *любитъ меня сердечно.* Сама никуда не выходилъ, а мнѣ совѣшуетъ чаще прогуливатьсь, увѣрять, что для меня это полезно. Однажды я вышелъ изъ дома, зашелъ въ кандиперскую, купилъ

десятокъ свѣжихъ бѣзе, до коихъ жена моя большая охотница, и спѣшилъ возвратиться съ ними домой.

На одномъ со мною корридорѣ живетъ какой-то пригожій, молодой человекъ, копорый, кажешся, всегда присматриваетъ за мною. Нежелая, чтобъ онъ видѣлъ, что я несу домой бѣзе, прошелъ я чрезъ черную лѣстницу и заднія двери; вхожу въ женнину спальню и... что... о Боже!... сосѣдъ мой, жена моя..

.

Жена моя съ холодностью спросила меня, что я такъ скоро возвратился? совѣщала мнѣ еще прогуливаться и увѣряла, что она весьма дорожитъ моимъ здоровьемъ. О, я вижу, что вы не хопите испощить моего здоровья.....

Сколько неудовольствій! и опъ кого! Опъ людей, копорые меня *любятъ сердечно.*

М. Яковлевъ.

изящныхъ Искусствъ и пр. Видалъ я людей съ истинными познаніями, которые любясь карпиною хорошаго современнаго живописца, хвалили въ ней смѣлую кисть, богатство изобрѣшенія, правильной колористъ—и досадовали на какую нибудь уродливую руку или ногу, на какой нибудь изъ окружающихъ предметовъ (*Accessoires*), поставленный не у мѣста, на какую нибудь грубо положенную тѣнь. Они громко изъявляли свое мнѣніе, и живописецъ, естли жалкое самолюбіе и неограниченная увѣренность въ собственномъ достоинствѣ не успѣли еще заразить его, принималъ съ благодарностію ихъ замѣчанія, поправлялъ свою картину — и картина становилась совершенною. Видалъ я также и Знапоковъ—самозванцевъ, которые, не разумѣя ничего въ живописи, но будучи предубѣждены въ пользу живописца, хвалили безъ разбору все, даже пяшна, оставшіяся ошъ прикосновенія неопытной руки. Для нихъ все было совершенствомъ, пошому, что истинное совершенство выше ихъ понятій. То же самое примѣчалъ я и между Самозванцами —

Знапоками въ Словесности *). Такія Парнасскія мухи льнушъ ко всему, питаются всею и жужжають ошъ удовольствія. Не удивительно: природа не одарила ихъ шѣмъ разборчивымъ вкусомъ, посредствомъ коего могли бы онѣ опличать медъ ошъ гнилой шины.

Не прилѣняя сего краткаго предисловія къ личности, имѣю честь посвящать его вамъ, почтенный **Θ. Б!** Соблюдая всю благоприсойность въ выраженіяхъ, кошорую, мимоходомъ скажашъ, вы сочли за мѣлочъ въ опношеніи ко мнѣ, намѣренъ я со всею чистосердечіемъ изложитъ мнѣнія свои о предметѣ, возбудившемъ въ васъ шоль неумѣренное прошивъ меня негодованіе.

Будучи однимъ изъ почишателей (но не слѣпыхъ и раболѣпныхъ) таланта наше-

*) Такимъ образомъ мнѣ удалось слышашъ, что одинъ изъ нашихъ *Присяжныхъ Судей по части Словесности* называетъ вашъ ошвѣшъ *образцовымъ*: Онъ подлинно можетъ служить образцемъ шого, что можно много говоритъ, и ничего не скажашъ.

го опличнаго Спихопворца В. А. Ж, я также какъ и прочіе мои соопечественники, восхищался многими прекрасными его произведеніями. Такъ М. Г. м., и я, хопя не имѣю чести бышь орлиной породы, смѣлъ прямо смотрашь на солнце, любовался блескомъ его и согрѣвался живительною его теплотою, до шѣхъ поръ, пока западные, чужеземные *туманы* и *мраки* не обложили его и не заслонили свѣтъ его опъ слабыхъ глазъ моихъ, слабыхъ, пошому что не могушь видѣшь свѣта сквозь мракъ и шуманъ. Говоря языкомъ общепонятнымъ, я съ восхищеніемъ чипалъ и перечипывалъ Пѣвца во спанѣ Рускихъ воиновъ, переводъ Греевой Элегіи, Людмилу, Свѣплану, Эолову арфу, многія мѣста изъ 12 спящихъ дѣвъ и разныя другія Спихопворенія Г. Ж Но съ нѣкошораго времени, видя имя его появляющееся подъ Спихопвореніями, въ кошорыхъ все Нѣмецкое, кромѣ буквъ и словъ, — восторгъ и удивленіе во мнѣ успутили мѣсто сожалѣнію о шомъ, что Спихопворецъ съ такими превосходными дарованіями, оставилъ шѣ средшва, кошорыми онъ усыновилъ Русскимъ Людмилу, Ахилла и сполько

другихъ произведеній Словесности чужезпранной оспавиль, и для чего же? — Чтобы ввести въ нашъ языкъ обороты, блески ума и непонятную выпренность нынѣшнихъ Нѣмецкихъ Спихопворцевъ—Миспиковъ! Еспьли, какъ весьма справедливо замѣпилъ одинъ разсудительный крипикъ, по случаю разбора Баллады Ольги (*), первая Баллады Г. Ж. породили толпу подражателей, копорые жалкимъ образомъ его передражнвали, не умѣя подражать красотама, разсыпаннымъ щедрою рукою въ прежнихъ его произведеніяхъ; — шо мудрено ли, что теперь люди съ посредспвенными дарованіями, или вовсе безъ дарованій, съ жадностію подражають въ немъ тому, что находятъ по своимъ силамъ . . . Испинный палантъ долженъ принадлежать своему Опечеству; человекъ, одаренный таковымъ палантомъ, еспьли избираетъ поприщемъ своимъ Словесность, долженъ возвысить славу природнаго языка своего, раскрыть его сокровища и обогатить оборотами и выраженіями, ему свойспвенными. Геній имѣетъ даже право вводить новые, но не иноплеменные,

*) Смолр. Сынъ Опеч. 1816 года, кн. 19.

и никогда не долженъ выпускать изъ виду свойства и преличія языка опечеспвеннаго.

Изъ сего вы можете видѣть, Г-нъ О. Б., что не *невѣжество* и *зависть* принудили написать разборъ Баллады: *Рыбакъ*; а истинная, безприспраспная любовь къ опечеспвенному языку и Словесности, копорые да сохранишь Богъ опъ всякой примѣси чужеземной и даже опъ суждений чужеземныхъ писателей — самоучекъ! Изъ сего можете пакже вывести заключение, съ большею основательностію, нежели прежде, кому приличнѣе названіе *литтературной герни*, шѣмъ ли, копорые вникають въ духъ и свойства природнаго своего языка и Словесности и находять хорошее хорошимъ, а дурное дурнымъ, или шѣмъ, копорые подобно черни уличной, разиня ротъ, безъ разбора всему удивляющся?

Теперь обратимся къ Балладѣ *Рыбакъ*, переведенной по словамъ вашимъ, какъ нельзя лучше, Г. Ж. Разбирая оную, мнѣ никакой нужды не было до Нѣмецкаго подлинника, о копоромъ я зналъ однакожъ, по *наслышкѣ*: я находилъ спраннымъ то, что дѣйствительно спранно на Русскомъ

языкъ, а можешъ бытъ и на Нѣмецкомъ. Но вы, говоря, что *переводъ весьма близокъ къ подлиннику, что невозможно ближе перевести изъ стиховъ въ стихи, и что всякой знатокъ Нѣмецкаго языка легко удостовѣрится въ справедливости сего*, возбудили во мнѣ охоту, знать почное содержаніе Гешевои Баллады. Нѣкопорыя особы, знающія въ равномъ совершенствѣ языки Нѣмецкой и Русской, приняли на себя прудъ вразумить меня въ семь случаевъ: подъ ихъ руководствомъ, я познакомился короче съ сею перлою Германской Словесности. Вотъ почти буквальной переводъ оной;

* * *

Вода шумитъ, вода вздымается; рыбакъ сидѣлъ на берегу, спокойно смотря на уду: прохлада проникала его до самаго сердца. И между тѣмъ, какъ онъ сидитъ, какъ онъ смотритъ, разсупаается влага: изъ взволнованнейшей воды выходитъ мокрая женщина.

* * *

Она поешъ ему, она говоритъ ему: „на, что ты манишь моихъ дѣшей съ чело-“

„ческимъ лукавствомъ и хитростію на
 „верхъ, въ смертоносный пылъ? Ахъ! ешь-
 „либъ пы зналъ, какъ рыбкамъ хорошо на
 „днѣ, пы сошелъ бы сюда самъ, какъ ешь,
 и тогда бы только было тебѣ легко *).“

* * *

„Не нѣжись ли прелестное солнце, не
 „нѣжись ли мѣсяцъ въ морѣ? не возвра-
 „щаешься ли ихъ ликъ, освѣженный волнами,
 „вдвое прелестнѣе? не манишь ли тебя
 „влажно-проясненная лазурь неба, отражаю-
 „щаяся въ глубинѣ? Не манишь ли тебя
 „собственнѣй образъ швой сюда, въ вѣч-
 ную росу?“

* * *

Вода шумитъ, вода вздымается, омо-
 чаетъ его босую ногу; сердце его, испол-
 ненное непреодолимаго влеченія, расширяет-
 ся, какъ бы опъ привѣспвія любезной.
 Она говоритъ ему, она поетъ ему: судьба
 его была рѣшена! Опчаспи она влекла
 его, опчаспи онъ самъ склонялся къ ней —
 и вдругъ не спало ни чего видно!

* * *

(*) Und wünderst erst gesund. (слово въ слово)
 и тогда бы только былъ здоровъ.

Гдѣ же здѣсь *прохладная тишина въ душѣ и влажная голова? гдѣ родное дно и кипучій жаръ, знойная вышина и прохладно - голубой сводъ неба?* Таковъ ли послѣдній куплешъ подлинника каковъ онъ въ переводѣ? Не ужели *нога и берегъ* одно и тоже?... Ахъ, Г. Анпикрипикъ! видно и вы не большой знапокъ или Нѣмецкаго, или Русскаго языка, а можешъ бышь и обоихъ; — можешъ бышь даже но куда не заведешъ эшо можешъ бышь? *Знатоки Словесности* пайдупъ въ опвѣшѣ вашемъ однѣ излишнія и вовсе не нужныя выписки, дополненыя шѣмъ, что Баллада Рыбакъ восхищашъ всю Германію, что она положена на музыку однимъ изъ знаменипѣйшихъ Германскихъ *музыкантовъ* и сдѣлалась любимою народною пѣснью. Опъ всей души моей желаю имъ пѣшь ее и восхищашъ; но сказашъ ли вамъ чистосердечно? Эшо ничего не доказывашъ! Естлибъ вы пошрудились переложить вашъ *отвѣтъ* въ стихи, и какой нибудь знаменипый Композиторъ музыки вздумалъ на нихъ сочинить прекрасную Орапорію; по ее пѣли бъ и слушали съ удовольствіемъ, не забошясь о томъ, что въ спи-

хахъ споль же много было бы хорошаго, сколько пеперь въ прозѣ. Доказательствомъ шому могушь служишь почти всѣ Италіанскія Оперы (исключая Метаспазіевы): музыка Чимароза и Павзіелло насъ восхищашь; кошимъ прочишашь стихи самой поэмы—и находимъ безшолковый наборъ словъ!

Гдѣ вы нашли, Г-нъ О. В., что Русалки были водяныя Нимфы? не ужели въ Оперѣ: Днѣпровская Русалка? Мы шакъ мало знаемъ вѣрнаго о древней Славянской Миѳологіи, что никакъ не должны говоришь о божештвахъ ея ушвердипельно. Если же основывашься на преданіяхъ и народныхъ суевѣріяхъ, то Русалки скорѣе были Нимфы лѣсныя, нежели рѣчныя; ибо въ Малороссіи сущешвуешь и до нынѣ повѣрье, что на *зеленой недѣлѣ*, или о Семикѣ, Русалки бѣгаюшь по лѣсу, цѣпляюшя за деревья длинными своими зелеными волосами и качаюшя на оныхъ; что сіи Русалки сущь шѣни или призраки удавленницъ и что онѣ щекочушь до смерши человѣка, котораго поймаюшь одного въ лѣсу. По сей причинѣ деревенскія дѣвушки и даже мужчины, бояш-

ся ходишь одни въ лѣсъ на помянутой недѣлѣ; но собираясь полпами, смѣло идешь заплешать вѣнки, ибо думаютъ, что Русалки не показывающся людямъ, когда ихъ много. Есть между сими просподушными людьми такіе, которые увѣряютъ будто бы сами они видали Русалокъ (*)

Опредѣленіе ваше слова Баллада, весьма не полно и збивчиво: вы говорите, что *Баллада есть Стихотвореніе, въ которомъ повѣствуется чудесное или необыкновенное происшествіе*. По этому эпическая Поэма есть также Баллада, волшебная Сказка въ стихахъ есть также Баллада, и Овидіевы превращенія суть ничто иное, какъ собраніе Балладъ? Впрочемъ, я благодарю васъ за сіе опредѣленіе: оно будетъ помѣщено въ моей липшерапурной Кунсткамерѣ между недоростками, или уродами опъ недоспалка органическихъ часпей. Надѣюсь, что оно послужитъ многимъ для пользы и удовольствія (**).

(*) Мнѣнія Гг. Попова и Кайсарова, писавшихъ о Славянской Мифологіи, касательно сихъ Нимфъ основаны на однихъ догадкахъ.

(**) *Для пользы и удовольствія* равно помѣщаютъ

Въ какихъ книжкахъ Невскаго Зрипеля, еспьли смѣю васъ спросить, прочишали вы при мои крипическіе разбора, прежде *появленія въ свѣтѣ разбора Баллады Рыбакѣ*? Это также ваши догадки; но догад-

я въ разрядъ *литтературныхъ наростовъ и грибовъ* одно умозаключеніе, въ копоромъ послѣдствіе весьма масперски выведено изъ предъидущаго. Вопь оно: „Осыпанный глумими похвалами липсперапурной черни, онъ споль же счаспливъ въ своемъ мрачномъ углу, какъ Рафаель или Пепрарка, увѣнчанные въ Капиполиі; *ибо счастіе находится въ насъ самихъ, и измѣряется числомъ приятныхъ ощущеній.* — Прекрасно! *Vasculum in angulo stat, ergo pluit.*

Я умѣлъ также оцѣнить по достоинству *заплескѣвелую фигуру противоположенія*, находящуюся въ началѣ сего отпѣша. Особливо мнѣ нравился по мѣсту, гдѣ *Рафаель* входилъ въ сличеніе съ *стѣннымъ живописцемъ*. Не съ пѣмъ ли, копорый нѣкогда расписывалъ спѣны Вапиканской Галлерей, названные по его имени (*Loggie di Rafaele*)? Сочинитель говоритъ вообще; по сему думать надобно, что и сей стѣнной живописецъ также принадлежитъ къ числу *мѣлкихъ сотрудниковъ великихъ умовъ*.

ки бываютьъ часпо весьма не основательны.

Будьте опкровенны и скажите, что вы *отвѣтали* симъ опвѣпомъ? Какое было ваше намѣреніе? Доказалиль вы, что стихи въ Русской Балладѣ Рыбакъ хороши, что выраженія, мною изъ нее выписанныя, не нарушаютъ ни вкуса, ни языка? Что замѣчанія мои несправедливы, и по чему онѣ таковы? А это бы, кажешся, должно бытъ цѣлю вашего пакъ названнаго опвѣпа. Но вы начали высокопарною выходкою пропивъ *мѣлкихъ сотрудниковъ великихъ умовъ*, попомъ вооружились пропивъ меня и чипашелей Невскаго Зришеля; между копорыми, сколько мнѣ извѣсно, есть особы, заслуживающія оплично уваженіе. Опсюда вы перешли къ суетвѣріямъ разныхъ народовъ, опъ сихъ къ Шлегелю и Бупервеку и наконецъ къ Г-жѣ Спаль, изъ копорой выписываете длинную, миспическую похвалу Гешевою Баллады, въ подлинникъ и съ переводомъ; далѣе выписываете Балладу Гёше съ переводомъ Г. Ж ; говорите, что все это хорошо и что у всѣхъ опличныхъ писателей есть на шо похожее. Укоряете ме-

ня, что я, для опысканія смысла, перелагаль стихи въ прозу. Новая спрацность! не ужели вы до сихъ поръ не знали, что это обще-принятый и самый лучший способъ дѣлать разборъ піитическихъ произведеній? Что люди ученые и знающіе Словесноспубпошребляли и употребляютъ сей же самый способъ при размашриваніи красотъ въ стихахъ Пиндара и Горація? . . . Называете Оду въ громко-нѣжно-нелѣпно-новомъ вкусѣ, *уродливый изгадіемъ безмозгой головы*, хотя она сочинена извѣстнымъ писателемъ подарившимъ нашу Словесность прекрасными Сказками въ стихахъ, многими остроумными Эпиграммами, также многими сочиненіями и переводами въ прозѣ. Наконецъ вошь и вы дошли до доказательствъ; въ чемъ же состоятъ они? Въ одномъ Латинскомъ стихѣ Публія Сирія, который справедливѣе и приличнѣе можетъ быть примѣненъ къ вамъ самимъ, Г. Антикрипикъ!

Вы говорите, что какой нибудь *Галерной житель назоветъ Гомерову Иліаду нелѣпницею и самаго себя Пиндаромъ*. Изъ чего могли вы извлечь такой умной Силлогизмъ, и какое отношеніе между Пин-

даромъ и крипическимъ разборомъ? Учпиво-спиво, копорыми вы меня изволише удо-спивашъ опъ начала до конца вашего оп-вѣша, названія *Галернымб жителемб* и просто *Галернымб*, не имѣющія никакой силы и значенія въ Русскомъ языкѣ, и по-тому не заключающія въ себѣ никакой оспропы, — сущь орудія Пигмеевъ, сися-щихся разипъ и колошь пропивниковъ сво-ихъ хилымъ шроспникомъ. Чпо же касаеп-саешся до послѣдняго вашего обо мнѣ за-ключенія, то и я могъ бы по образцу его соспавипъ подобное: но оспавляю эпо, по-чипая шаковыя объясненія дѣпскими и низ-кими замашками, приличными при недос-пашкѣ доказапельспвъ.

Еще благодарю васъ, М. Г. м., за Мей-сперову басенку, въ копорой малиновка го-ворипъ, что *солнце совсели не по ея вкусу!* чпо по ея мнѣнію, оно могло бы свѣ-пипъ, но не ослѣпляшъ *уже трезв мѣру.* Еспшли эпой малиновкой долженъ бышъ я, то снова, и весьма благодарю васъ: ппич-ка сія не совсемъ худо поешъ. На счешъ вѣжливаго и хваспливаго Орла у меня еспъ небольшое сомнѣніе: шочно ли вы увѣрены,

М. Г. м., что это Орель? полно не однаи
изъ шѣхъ пшицъ, которыхъ Жуи называешъ
Oiseaux criards(*)?

Имѣю честь бышь съ надлежащимъ
почпеніемъ

Житель Галерной Гавани.

(*) *Prôneurs*. Espèce d'oiseaux criards, instruits à
répéter: *Psaphon est un dieu!* Les prôneurs, for-
més en jurande, font aujourd'hui le monopole-
des réputations; les journalistes ont un gros
intérêt dans l'entreprise.

De Jouy *L'Hérmitte de la Guiane*, T. III,
p. 229.

IV. ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

О МОНТЕСКЬЕ И ЕГО ТВОРЕНИЯХЪ.

Два первыя произведенія Монтеस्कье: *Персидскія письма* и *о величествѣ и упадкѣ Римлянъ* показываютъ необыкновенную зрѣлосць его юности и ту независимосць, съ копорою Геній обнаруживается въ молодости. Таковы бывають шворенія высокой и чистой Природы. Совсѣмъ уже другое въ *Духъ законовъ*. Тамъ Авторъ разсмаприваетъ отношенія, выгоды, положеніе и что сообразно съ оными; онъ желалъ бытъ апостоломъ, а не мученикомъ истины.

Между тѣмъ предметы слишкомъ не увлекали его; онъ вездѣ почти является господствующимъ, показываетъ величество и открываетъ все могущество творческаго ума, распространяетъ вліяніе вѣковъ и, не удерживаясь прошедшимъ, какъ бы пригото- вляетъ будущее, переносясь выше бременаго

существованія. Таково значеніе выраженій, копорыми онъ оканчиваесть свое предисловіе: *и я также живописецъ*. Это голосъ чистой совѣсти, копорая опзывается изъ глубины обо всемъ, чпю сдѣлано передъ нею,—спокойное сужденіе о своемъ произведеніи, осмѣливающееся опвѣчать забвеніемъ о скрипноплѣнишельномъ и возбуждающемъ соблазнъ, и копорое опдалая презрѣніе, сохраняетъ собственную гордость безъ щеславія; но оно оспанесть образцемъ шой справедливости, копорую геній имѣесть право опдавать самому себѣ. Должно въ шворцѣ *Духа законовъ* находить высокой характеръ, а сіи его слова служатъ шому ручашельствомъ.

Въ большей части его произведеній предметъ не обнимается теоріею; онъ спарался вывести заключенія изъ разсмаприванія историческихъ происшествій; почему и заслуживаетъ славу основательно-ученаго. Слѣдуя сей системѣ и имѣя предъ собою образцы древнихъ, онъ могъ мудрствовать безъ нареканія, ишши къ цѣли, копорую онъ не опкрываетъ, (оцѣняеъ законы счашіемъ или бѣдствіемъ народовъ) и обращаетъ всѣ свои мысли къ шому правленію,

которое ему казалось мѣстнымъ феноменомъ. Онъ входилъ въ различные виды законодательства и будучи не въ состояніи связать покрывало съ испины, до него допрогивается; и если кто желаетъ понимать его, то онъ прошедшимъ говоритъ, что можетъ быть въ будущемъ. Это не въ прямыхъ заключеніяхъ, гдѣ открывается выпренность его генія; онъ лучшее замѣшиваетъ во множествѣ сужденій, которыхъ пространство можетъ измѣрить только умъ, подобно ему наученый; вопль причина, почему его книги будутъ всегда служить источникомъ для размышленій.

Съ другой стороны, онъ предпринималъ дѣлать общими глубокомысленные предметы и объяснилъ самую трудную матерію народу еще грубому, и которой почитаетъ свою необразованность. Отсюда происходитъ то, что удивляетъ его характеромъ; онъ сокращаетъ паче, гдѣ должно бы болѣе развертывать, рождаетъ новыя формы и играетъ съ обыкновеніями и понятіями своего времени. Много прекраснаго въ *Духѣ законовъ*; но оно подобно тому, которое находится въ законодатель *Храма кра-*

соты. Онъ изъ шѣхъ писателей, которые удивляютъ высокостію своихъ мыслей и чистотою чувствованій, хотя и представляешь часто такія черты, которыя какъ бы заимствованы изъ мечтательнаго міра. Вотъ что можно назвать образомъ объясненія въ Монпескьё. Тамъ, гдѣ кажется онъ не сказалъ ничего, говоритъ много. Впрочемъ большая часть *Духа законовъ*, *Персидскихъ писемъ* и произведенія его касательно Римлянъ составлены изъ увлекающихъ вступленій, игръ ума и какъ бы нѣкоего вдохновенія; но ему было извѣстно, что не онъ управляетъ впечатлѣніями, а самъ онымъ повинуется. Безъ сего соединенія могъ ли умъ приготовамишь сколько происшествій, сбечъ искусственныя тѣни и дѣйствовать силами на лучшее? Ничего нѣтъ подобнаго, которому удивляемся, ни въ Лабрюеръ, ни въ Боссюэпъ, также ни въ Руссо, ни въ Томасъ: въ произведеніяхъ ихъ не изливаются сколько обильные источники мыслей, нѣтъ того искусства, или лучше дарованій, которыя трудно изъяснить. Одному Монпескьё свойственъ его образъ изложенія предмета.

происшествій Историческихъ; Боссюэпъ раз-
смаприваль Исторію съ одной стороны для
шого, чпобъ пворить пвердыя поспанов-
ленія, а съ другой дабы подвергнушь все
непрочности челоуѣческихъ учрежденій.
Одинъ имѣль пворящій геній, копорымъ
хотѣль сынашь, другой упопребляль геній,
чпобъ ограничиться по первымъ видамъ.
Образованные люди, сравнивавшіе третью
часть Исторіи Боссюэпа съ пвореніемъ о
величествѣ и упадкѣ Римлянъ, нашли ихъ
на одной линіи, если не хотѣли опдашь
преимущество Боссюэпу.

Будемъ смотрѣшь на сихъ людей какъ
равныхъ въ ихъ различной высокости, но
не по произведеніямъ. По онымъ одинъ шамъ
даешъ нѣскольکو идей, гдѣ другой предспа-
вляешъ множество, и въ исполненіи одинъ
прекрасенъ и великъ, другой возвышенъ какъ
единственное существо.

Во всѣхъ городахъ Государства, гдѣ учреждены Патріотическія общества, находятся также училища для рисованія; — въ Мадридѣ оное существуетъ уже нѣсколько лѣтъ подъ управленіемъ Санъ Фернандской Академіи художествъ. Съ нѣкотораго времени въ этой школѣ упражняющіяся только въ снятіи гипсовъ съ антикъ, въ копированіи моделей и приготовленіи красокъ. Въ замѣну сего завела Мадридская Академія новыя два училища; гдѣ молодые воспитанники подъ руководствомъ искусныхъ Профессоровъ упражняются въ рисованіи, начальныхъ правилахъ Геометріи и перспективѣ.

Для облегченія занимающихся живописью, Правительство основало Музеумъ недалеко отъ Прадо, которой въ недѣлю одинъ разъ открытъ для публики. Въ немъ заключается около 332 картинъ лучшихъ Испанскихъ художниковъ, начиная съ 16 столѣтія. Это драгоцѣнное сокровище увеличилось еще въ нѣсколько разъ по Указу Королевскому, въ слѣдствіе котораго всѣ картины, сохраняемыя въ дворцахъ Аранжуеца, Репиро и другихъ, поступявъ въ публичный Музеумъ; также изъ упраздненныхъ монастырей Бенедиктинцовъ, Базилианцовъ и Картезіановъ и пр.

Извѣстно, что Король Филиппъ II подарилъ большую коллекцію картинъ Италіанской и Фламандской школы Эскуріальскому монасты-

рю, копорыя также будуть находитья въ Мадридскомъ Музеумѣ.

Это заведеніе состоить подь управленіемъ Г. Энсеви, мініатюрнаго живописца, копорый почитається первымъ знапокомъ сего искусства въ Испаніи Онъ пушествовалъ долгое время по Европѣ для сравнительнаго изученія кисти великихъ художниковъ. —

Въ Музеумѣ считается 43 картины Муриллы (копорыя такъ рѣдки въ Европѣ), 44 Веласкеца, 42 Меландеца, 28 Спальолента, 15 Иоанеса, 8 Кана и множество другихъ произведеній древнихъ Испанскихъ мастеровъ. — Предметы оныхъ большею частію взяты изъ Священнаго Писанія; между ими также считается значущее количество картинъ, изображающихъ бапаліи, Мивологию, ландшафты и порпшепы.

Мадридскій Музеумъ вскорѣ будетъ имѣть соперничество съ лучшими Галлереями Европы и возбудить любопытство всякаго пушественника и любителя живописи.

6) М У З Ы К А.

Письмо изъ Парижа Людвига Шпора.

Парижъ, 12 Января 1821 года.

Съ радостію извѣщаю себя, любезный другъ, что мой первый дебютъ былъ довольно счастливъ на музыкальномъ поприщѣ Парижа. Чужеземному артисту должно имѣть большую смѣлостъ и самонадѣянностъ, ежели онъ хочеть показать свои таланты Парижской публикѣ, — По мнѣнію ея одни только Французы первые въ свѣтѣ виртуозы — и горе иностранцу, который вздумаетъ оспаривать у нихъ пальму преимуществва. Не взирая на всѣ предубѣжденія Французовъ, мой концертъ принявъ былъ съ отличной похвалою публикой: хотя имѣлъ я въ числѣ слушателей не болѣе 12 человекъ знакомыхъ, и не раздавалъ даромъ билетовъ, чтобъ купить рукоплесканіе пріятелей. — Я щастливо приготовился къ концерту, и много обязанъ Г. Габенеку, кспорой аккомпонировалъ очень спарательно игрѣ моей на скрипкѣ,

Прежде нежели приступлю къ описанію концерта, долженъ шебѣ объяснить, мой другъ, какимъ образомъ я давалъ его. Аранжировать концертъ въ какомъ бы ни было городѣ, есть весьма хлопотливое дѣло; но устанавишь его въ Парижѣ, гдѣ всякій вечеръ дается сполько спектаклей, можно назвать подвигомъ Геркулеса. Вошь причина, по которой приѣзжіе аршисты не слишкомъ охотно дають концерты въ Парижѣ, копорой, крсмѣ непредвидимыхъ расходовъ, долженъ обойтись всегда около 3000 франковъ. Я очень боялся этого обспоятельства и для того сдѣлала счастливую спекуляцію, пригласивъ дирекцію Большой Оперы вступитъ въ половину доли моего сбора. Въ силу условія, вечеръ начнешся концерномъ и будетъ окончанъ великолѣпнымъ балетомъ. Сверхъ чаянія моихъ пріятелей, предложеніе съ охотою было принято Дирекціею Большой Оперы. Назначеніе Министровъ и блестящіе балы у иностранныхъ Посланниковъ были причиною не споль многочисленнаго спеченія зрителией. Но, за всѣмъ шѣмъ, я получилъ порядочное вознагражденіе за мои хлопоты.

Концертъ начался увертюрою изъ Альруны, моего сочиненія, и *rot-pourri* изъ дуэта Донъ Жуана, пошемъ Кавашина Россини пѣшая Г жею Синти, и дуэтъ Г Бордоньи и Левассеромъ — Увертюра была при раза играна на пробѣ; и

вечеромъ заслужила всеобщее рукоплесканіе публики. Въ дуэпѣ такъ какъ и въ Pot-pourri пропустили такты нѣкоторыя изъ духовыхъ инструментовъ — нерадивость въ паузахъ свойственная Французамъ! Со всѣмъ тѣмъ публика не замѣтила сихъ ошибокъ, и при громогласномъ форо требовала повпоренія дуэпа. — Не столь благосклонны были ко мнѣ журналисты; на другой день появились многія криптики. — Я хочу объяснить себѣ эту задачу: Гг. журналисты имѣють привычку принимая благоклонно визиты отъ всѣхъ опечесственныхъ и иностранныхъ аршистовъ, которые обязаны заранее испрашивать у нихъ милостиваго сужденія въ журналахъ, и вмѣстѣ съ онымъ препроводить издаваемымъ нѣкоторое число билетовъ для входа. Иностранные аршисты, для избѣжанія сихъ визитовъ, рассылають нисъменные циркуляры къ журналистамъ, приглашая ихъ обыкновенно на обѣдъ къ одному изъ своихъ коммиссіонеровъ, гдѣ сіи Аристархи за рюмкою Шампанскаго соглашаются на милостивый приговоръ чужеземному таланту. Говоряшь, что лучшіе актеры: Тальма, Дюшенуа, Марсъ и пр. всякой годъ обязаны плащить журналистамъ конприбуцію для поддержанія ихъ дружества. Бѣда аршисту, которой вздумаетъ преснуупить это правило, жестокія криптики будущъ преслѣдовашъ его до тѣхъ поръ, когда

обруганной паланшъ добровольно удовлетворитъ
 ачность. Со всѣмъ пѣмъ я объявилъ себя про-
 тивникомъ сего обыкновенія и, поддерживая
 честь Нѣмецкихъ художниковъ, не сдѣлалъ имъ
 визита. — „Журналисты не упомянуть о мо-
 емъ концертѣ!“ (думалъ я). Вотъ мщеніе, копо-
 раго ожидалъ опъ нихъ; но вышло напрасливъ. —
 Всѣ изданія заговорили объ ономъ: иные съ ма-
 ловажною похвалою, другіе съ *но и однакожь*,
 чшобъ сколько возможно унизить очевидное до-
 стоинство. — Тушъ показалось во всей силѣ
 Французское самолюбіе. Всѣ начали превоз-
 носить до небесъ опечествленную образован-
 ность въ художествахъ; земля, копорая произ-
 вела Лафона, Балльюша, Габенка не можетъ
 завидовать смычку иностраннаго виртуоза. —
 Ежели Французы удивляются оному, то это
 происходитъ (по мнѣнію ихъ) опъ гонепріим-
 ства къ иноземцамъ. Какъ различны мнѣнія
 журналистовъ, объяснимъ изъ слѣдующаго: Quo-
 tidienne говоритъ. „M. Spohr aborde, avec une
 incroyable audace, les plus grandes difficultés, et
 l'on ne sait ce qui étonne le plus ou son audace
 ou la sureté avec la-quelle il exécute ces difficul-
 tés; въ Journal des Débats; на противъ: Le con-
 certo exécuté par M. Spohr n'est point surchargé
 de difficultés и пр. Courier des Spectacles объяс-
 няется такимъ образомъ: „C'est une espèce de
 pacotille d'harmonie et d'enharmoine germanique

que M. Spohr apporte en contrebande, de je ne sais quelle contrée d'Allemagne. — На счетъ игры моею я заслужилъ у нихъ нѣкоторое одобрение. M. Spohr comme exécutant est un homme de mérite; il a deux qualités rares et précieuses: la pureté et la justesse. Потомъ заключаетъ какъ истинный Французъ національною выходкою: s'il reste quelque temps à Paris, il pourra perfectionner son goût, et retourner ensuite, former celui des bons Allemands. Еслибъ зналъ Г критикъ, что думаютъ les bons Allemands о музыкальномъ вкусѣ Французовъ!

(Продолженіе будетъ.)

в) ТАРАНТЕЛЛА.

Г. Каспелланъ въ своемъ сочиненіи *Lettres sur l'Italie* говоритъ о спраждающей дѣвицѣ укушенной тарантуломъ (*), не разрѣшая однакожъ вопроса: смертельна ли эта болѣзнь и одно ли средство къ излѣченію ея (*Tarantismo musica*) Тарантелла? — Однажды прогуливаясь около гаванной площади въ Бриндизіи, слышалъ Каспелланъ примѣшилъ я большую толпу народа слушающаго музыку, звуки которой выходили изъ разпворенныхъ оконъ близстоящаго дома.

(*) Насѣкомое величиною въ большаго паука; оно водится наиболѣе въ Апуліи, около Тарента.

Подойдя къ оному, я не могъ довольно насладиться пріятной гармоніей и проводникъ мой доставилъ мнѣ случай посѣпить самый домъ. Мы вошли въ большую залу, копорая назначена съ давняго времени для пользованія спраждушихъ Таранпизмомъ. Спѣны ея увѣшены были гирландами и виноградными лозами, между коими висѣли зеркала, украшенныя фестонами изъ цвѣпныхъ маперій. — Зала была наполнена зрителиами, копорые сидѣли около спѣнь на зеленыхъ скамейкахъ, и въ одномъ концѣ оной находился оркестръ, состоящій изъ скрипки, баса, гитары и шамбурина. Дѣвица, танцующая шараншелла, имѣла не болѣе 17 лѣтъ опыроду. Черты лица ея были правильны, но впалыя щеки — мушныя и неподвижныя взоры, казалось доказывали ея тѣлесное спраданіе. Она одѣша была великолѣпно, голова украшенная перьями, шелковое плащье съ золотыми шнурами и леншами—составляли совершенный контрастъ ея болѣзни. Дѣвица танцовала тихо и единообразно, едва поднимая ноги, и держа въ рукахъ своихъ шелковый плашокъ, копорымъ махала въ такшу надъ головой своей. При входѣ нашемъ играли длинный минуешь сопровождаемый часпымъ da Caro, попомъ превратился оный въ Rondo и наконецъ въ Pot-pourri. Больная начала танцовать скорѣе и не сбивалась съ такшы; со всѣмъ тѣмъ, кажешся, не

принимала никакого участія въ сей забавѣ. Печальный взоръ ея по прежнему былъ не подвиженъ, улыбка не развеселяла лице спраждующей. Между пѣмъ родственники понуждали больную къ продолженію танца, спараясь развлечь ее подарками. Дѣвица брала съ радостію цвѣты и фрукты, но чрезъ минуту бросала ихъ съ презрѣніемъ на полъ. Нѣкоторые изъ зрительницъ для возбужденія чувства и разсѣянія приняли также участіе въ Тараншеллѣ, однакожь больная не обращала на нихъ вниманія. Попъ градомъ капился съ лица ея, дыханье сдѣлалось тяжелѣе, грудь начала подыматься и спраждущая упала въ безпамятствѣ на землю. Симвъ окончалось зрѣлище, дѣвицу перенесли въ другую комнату и посадили въ теплую ванну. На слѣдующее утро тараншелла возобновляется, несчастная опять танцуетъ и, чтобъ быть совершенно здоровой, не прежде шести дней можетъ окончить это странное леченіе.

Тараншелла помогаетъ иногда и сумасшедшимъ. Касшелланъ заключаетъ свое описаніе слѣдующимъ анекдотомъ: Молодая и прелестная дѣвушка, ожидающая жениха своего изъ Албаніи, рѣшилась выѣхать къ нему на маломъ бриггѣ въ морѣ. Алжирцы, крейсирующие около сихъ мѣстъ, захватили судно; опчаянная невѣста не хопѣвъ живую опадаться варварамъ, бро-

силась въ воду. Италіянскіе рыбаки подоспѣли на помощь и вытащили дѣвучку. Несчастливая сошла съ ума и воображая, что болѣзнь ея произошла отъ укушенія шаранпулла, начала танцевать, и чрезъ нѣсколько дней совершенно выздоровѣла.

г) ИНОСТРАННАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Французская Поэзія: Poesies de Madame Desbordes Valmore. — Между любителями Французской Литтературы конечно найдутся читатели для идиллической музыки Г-жи Вальморъ, которая довольно близко подошла къ Гжѣ Дезульеръ и въ нѣкоторыхъ піесахъ можетъ быть ея соперницей! —

Le Crime du 16 Octobre, ou les Fantômes de Marly, лирико — историческое произведение написанное Лафрѣномъ д'Осеонъ, въ память Королевы Маріи Антуанеттны и юнаго ея сына.

Hommage de la France royaliste et litteraire à Mgr. le Duc de Bordeaux, или собраніе стихотвореній, рѣчей и проч. въ честь рожденія Принца Бордо. Эту книгу намѣренъ печатать книгопродавецъ Ленорманъ, какъ скоро будетъ на нее 600 субскрибентовъ. Въ матеріалахъ не будетъ недостачка, потому что въ продолженіе Октября написана 71 ода: въ числѣ которыхъ есть Еврейская съ Французскимъ переводомъ

также множество пѣсень и другихъ мѣлкихъ стихотвореній.

La démenſe de Charles IV, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ соч. Н. Л. Лемерсье. Эпо произведе- ніе хотя не пропущено Парижскою театраль- ною Цензурою; но со всѣмъ пѣмъ оно находи- ся въ рукахъ у всей читающей публики. — Ко второму изданію сочинитель приложилъ Оду, написанную къ Французской Мельпоменѣ.

L' amant ſomnambule ou le Mystère. Водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Филаппа и С. Анжъ Марпеня. Эта пѣса съ отличною похвалою принята пу- бликою и напечатана у Барба. — *Le Docteur Quinquino*, или обвороженная башня, другой во- девиль сочиненіе Габріеля и Филлиберта, бы- ваешь каждую недѣлю въ репертуарѣ и напе- чатанъ также у Барба вторымъ изданіемъ.

Англинская: Въ Лондонѣ выходятъ въ продол- женіи сего года при липпературныя газеты: *The literary Gazette*, (лучшая изъ прочихъ), *The literary Chronicle* и *The Independent*. Послѣдняя имѣеть только названіе Липпературной, но глав- ная цѣль ея есть защита Королевы пропивъ же- спокой крипики еженедѣльнаго листка *John Bull*, котораго расходится 7000 экземпляровъ. — Прочія журналы выходятъ періодически, какъ-то: *The Quarterly Review*, *the Edinburg Review*, *Brandés Jour- nal of the Royal Institution*, *Jameson'sant Brewster's philosophical Journal*, *the Britich Review*, *the Edinburgh*

Sorgioul Journal, the classical Journal, the London Journal of science, the Quarterly musical Review, the Annals of Oriental Litterature.

Испанская: Новыя сочиненія и переводы: Torpadilla, писанная пропивъ двухъ авторовъ: Спихопвореніе, имѣющее довольно силы, оспиропы и драматическихъ обороповъ.

Г. Ксавье де Бургось, Редакторъ журнала (Miscelanea) извѣспиль публику о переводѣ своемъ Горация (Le poesias de Horacio traducidas en versos castellanos), съ Латинскимъ текстомъ. По многимъ отрывкамъ изъ сего перевода, помѣщеннымъ въ Miscelanea, на дѣются, что прудъ Ксавье де Бургоса сдѣлаешъ эпоху въ Испанской Словесности. —

Моръ де Фуэншесъ написалъ подражаніе Томсоновой Поэмъ (Времена года), которое считающъ Испанцы весьма посредспвеннымъ. Между тѣмъ онъ уже не первый упражняешъ въ семь родѣ, ибо за нѣсколько лѣтъ предъ симъ Граціанъ подражалъ также Томсону въ своемъ сочиненіи: „Salvas del Anno,“ которое давно публика забыла.

ОТЪ ЖИТЕЛЯ ГАЛЕРНОЙ ГАВАНИ.

Спѣшу засвидѣтельствовать предъ лицомъ почтенной публики благодарность мою Г-ну Н. Таранову-Бѣлозерову, за извѣстіе объ изданіи *полныхъ твореній* моихъ, и Гг. Издаателямъ Сына Опечесства, Почетнымъ и Дѣйствительнымъ членамъ разныхъ Академій, ученыхъ и пр. Обществу, сочинителямъ *образцовыхъ* криптикъ и Библиографическихъ извѣстій, *образцоваго* обзоренія журналовъ и ш. п., за помѣщеніе въ 11 книжкѣ ихъ журнала сей *литтературной новости*. Лестное одобреніе сихъ ученыхъ мужей, удостоившихъ прославить меня во *всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта*, въ полной мѣрѣ удовлетворяетъ моему Авторскому самолюбію. Между тѣмъ осмѣливаюсь исправить нѣкоторыя погрѣшности, вкрашіеся, вѣроятно, при печатаніи сей стащи; ибо не смѣю думать, что онѣ поставлены съ умысломъ Г. Тарановымъ-Бѣлозеровымъ, котораго не имѣю чести знать, а того менѣе Гг. Издаателями Сына О., будучи совершенно увѣренъ, что они во всякомъ слу-

чаѣ руководствуясь избраннымъ ими для своего журнала эпиграфомъ:

Verba animi proferre, et vitam impendere vero.

Такого рода ошибки почти не избѣжны въ периодическомъ изданіи. Ссылаюсь на 11 книжку Сына О., гдѣ въ слѣдъ за объявленіемъ Г. Таранова-Бѣлозерова, помѣщены *опечатки* въ 4 книжкѣ сего журнала. Г. Тарановъ-Бѣлозеровъ, или кто другой изъ его однофамильцевъ, живущій по сосѣдству со мною въ Галерной Гавани, показавъ въ 4 книжкѣ Благонамѣреннаго нѣкопорья ошибки въ Посланіи А. Ѳ. Воейкова, между коими замѣнилъ онъ, что у снѣга:

Зерцало нашихъ клятвъ, сей древній монастырь,
нѣшь риемы; шеперь мы видимъ, что у него была риема, и очень богашая:

И вотъ крапивою заростшій сей пустырь.

Не понятнo, по чему наборщики заблагоразсудили исключить сей и другіе снѣхи, и шѣмъ лишили почтенную публику удовольствія читать Посланіе Г. Воейкова въ надлежащей цѣлости и исправности.

Надѣясь, что такимъ же образомъ Гг. Издатели Сына О., примуть на себя трудъ, исправитъ опечатки въ 11 книжкѣ Сына О., хотя чрезъ пять или шесть недѣль, поставлю обязанностію замѣнить нѣкопорья изъ сихъ опечатокъ въ извѣстїи Г. Таранова-Бѣлозерова. Вопль оный:

Послѣ словъ: подписка на нихъ принимается у Обухова мосту; читай: или въ шипографіи Издап. Сына О., гдѣ сіи пворенія имѣюшь печашаться.

Вмѣсто:

Иліада. Эпическая поэма въ 24 пѣсняхъ, домашней фабрики,

Читай:

Примѣчанія на нѣкоторыя мѣста изъ *новой Дидактической Поэмы, домашней фабрики.*

Вмѣсто:

Похвальное Слово сочинителя самому себѣ,

Читай:

Похвальное Слово нѣкоторымъ буквамъ Россійской азбуки, начиная съ В.

Вмѣсто:

Правила Словесности, почерпнутыя изъ шакихъ Авшоровъ, копорыхъ сочинитель никогда не читаль,

Читай:

Правила Словесности почерпнутыя изъ криптикъ и Библиографіи Сына О., копорыя сочинитель почитаетъ *образцовыми по ихъ строгости и справедливости.*

Вмѣсто:

Переводы съ языковъ, невѣдомыхъ *переводчику,*

Читай:

Переводчикамъ. Спасья сія украшена эпиграфомъ:

„Мѣняетъ водоскатъ характеръ иногда.“

(Сады, *новый переводъ, пѣснь III, стран. 96.*)

Вмѣсто:

Искусство унижаетъ все превосходное на *опытѣ* Г. Галернымъ жипелемъ съ успѣхомъ *испытанное (!)*,

Чишай:

Искусство выдавать за превосходное въ *собственныхъ* стихопвореніяхъ по, что мы называемъ ошибками въ чужихъ, съ успѣхомъ доказанное въ 4 книжкѣ Сына О. 1821, и въ 37, 1820 года.

Что касается до *спашьи*: *Разсужденіе о томъ, что зрители дурно поступили, удостоивъ рукоплесканіемъ и одобреніемъ Трагедію Танкредъ, переведенную съ Французскаго*; по я, не писавъ оной, удивляюсь, какимъ образомъ она попалась въ объявленіе о *полныхъ твореніяхъ жителя Галерной Гавани?* не хотѣлъ ли самъ Г. Тарановъ-Бѣлозеровъ сдѣлать мнѣ честь, помѣщеніемъ *собственной* *спашьи* между моими *полными твореніями?* Въ такомъ случаѣ покорнѣйше прошу его доставить оную ко мнѣ; я приму ее съ благодарностію и напечаю въ *полныхъ твореніяхъ*, по надлежащемъ разсмотрѣніи.

Далѣе, вмѣсто:

Предложеніе, сдѣланное жипелемъ Галерной Гавани нѣкошорому ученому Сословію, о выборѣ его въ члены за пѣ заслуги, коихъ онъ не

сдѣлать, и за шѣ дарованія, копорыхъ не имѣешь;

Читай:

Предложеніе, сдѣланное нѣкопорыми Членами одного Сословія ученому свѣшу, о томъ, чтобы опнынѣ впредь почиташь черное бѣлымъ, бѣлое чернымъ и дурное хорошимъ, пошому что они такъ почиташуть, слѣдуя вновь ими составленной Теоріи высокаго и изящнаго, сообразной съ *физическою и нравственною ихъ Организациею*.

За онымъ слѣдуетъ другая не менѣ любопытная статья, заключающая въ себѣ увѣренія, дѣланныя Издашелями одного журнала почтенной Публикѣ, въ томъ, что опличивѣшіе Русскіе Писатели обѣщались имъ, Гг. Издашелямъ, не помѣщашь своихъ произведеній въ другихъ Журналахъ. Также, подписка данная Гг. Издашелями почтеннымъ Соотечественникамъ въ томъ, что они будутъ соблюдать слѣдующія правила: „1) Не выпускашь изъ виду Эпи-„графа сего журнала (!) 2) Старашья, чшобъ „спашья, помѣщаемыя въ ихъ журналѣ, были „дѣльныя (*), ш. е. чшобъ въ нихъ не было „лишнихъ и пусшыхъ умствованій, а сообщашь „испины и мысли полезныя и наспавишельныя; „3) Помѣщашь преимущественно Русскія ори-

(*) Оглавленіе всѣхъ частей Вѣстника Европы и Сына О. — Опивѣшъ Г. Ѡ Б. — Разборъ Поэмы Г. Волкова. — Общ-денія Г. Таранова-Белозерова,

„*гинальныя* сочиненія, и весьма рѣдко перево-
 „ды, 4) Всѣми мѣрами спарашься, чшобъ въ
 „ихъ журналѣ не было повшоренія шого, чшо
 „уже напечатано въ другихъ Русскихъ журна-
 „лахъ (а), изключая извѣстія политическія, 5)
 „Прилагашь попеченіе о сохраненіи чистоты
 „Русскаго языка въ семь отечественномъ изда-
 „ніи (б), и наконецъ, 6) Наблюдашь, чшобъ во
 „всѣхъ спашьяхъ сего журнала строга соблю-
 „даемы были правила благочеспія, нравствен-
 „ности. и благопристойности, чшобъ и въ спи-
 „хотвореніяхъ самыя шушки не были оскорби-
 „тельны для нравовъ (в).“

*Собраніе опечатокъ, выписанныхъ изъ Батюш-
 кова, Жуковскаго и Крылова, я почитаю вовсе
 не нужнымъ, по слѣдующимъ причинамъ: прек-
 расныя сочиненія Батюшкова изданы однимъ
 изъ нашихъ извѣстныхъ Императоровъ и другомъ
 Батюшкова, и напечатаны весьма исправно въ
 шипографіи Н. И. Греча, — а сего уже довольно.
 Басни Крылова почти всѣми любителями Рос-
 сійской Словесности затвержены наизусть съ
 прежняго, лучшаго изданія; и потому безчи-
 сленныя шипографическія ошійки послѣдняго*

(а) Осень, Стихотв. Г. Гнѣдича, *Цейскѣ и Гальціонч. Оп-
 тетѣ о Луцѣ, Элегія Г. Варатынскаго* и пр. в пр. Ж. Г. Г.

(б) Чшо болѣе всего доказано нѣкоторыми помѣщенными въ
 семь журналѣ Стихотвореніями и собшвенными спашья-
 ми Гг. Издашелей. Ж. Г. Г.

в) А для лицъ? Ж. Г. Г.

изданія не могутъ имъ повредитъ. *Опечатки* въ Спихошвореніяхъ Жуковскаго я также считаю маловажными; а о другихъ Богъ съ ними! они сами за себя лучшимъ служатъ свидѣтельствомъ.

Знапки и любители Опечесшвенной Словесности, конечно поспѣшатъ опличить сіи мѣлкія погрѣшности Сына О. отъ тяжкихъ Липпературныхъ грѣховъ.

Севастьянъ Ловиловъ,

Галерная Гавань,
Марша 14 дня,
1821 года.

Погрѣшность.

На стран. 273 напечатано *лечно* — читай;
сердечно.

ИМЕНА МѢСТЪ И ОСОБЪ, БЛАГОВОЛИВШИХЪ
ПОДПИСАТЬСЯ НА СЕЙ ЖУРНАЛЪ.

Въ С. Петербургѣ.

- Лейбъ-Гвардіи 2 Артиллерійская бригада.
- Горный Корпусъ.
- Канцелярія Минисперства Юстиціи.
- Государственная Экспедиція ревизіи счешовъ.
- Адмиральшейской Департаментъ.
- Гвардейскій Штабъ.
- Малое танцовальное собраніе.
- Большой танцовальной Клубъ.
- Провіантскаго Департаменту 1 Отдѣленіе.

Ихъ Сіятельства:

- Князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ.
- Князь Павелъ Петровичъ Щербатовъ
- Графиня Софья Владимировна Спрогонова,
- Графъ Воронцовъ.
- Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ.

Ихъ Превосходительства:

- Арсеній Андреевичъ Закревской.
- Евграфъ Ильичъ Мечниковъ.
- Яковъ Александровичъ Дружининъ.
- Павелъ Петровичъ Малиновскій.

. Голынской.

. Будаковъ.

Машвѣй Михайловичъ Олсуфьевъ.

Ихъ Высокородія:

Николай Михайловичъ Карамзинъ.

Иванъ Осиповичъ Тимковскій.

Иванъ Михайловичъ Яковлевъ.

Яковъ Яковлевичъ Шнейдеръ.

Ихъ Высоковладгородія:

Василій Парфенпьевичъ Широкинъ.

Иванъ Машвѣевичъ Аксеновъ.

Кирила Васильевичъ Губаревъ.

Степанъ Ѳедоровичъ Кандалинцевъ.

Николай Ивановичъ Гречь.

Левъ Кириловичъ Черепановъ.

Николай Варсаліоновичъ Екимовъ.

Николай Ивановичъ Упкинъ.

. Саладовниковъ.

Григорій Васильевичъ Лихачевъ.

Петръ Алексѣевичъ Мальшинъ.

Александръ Дмишріевичъ Чершковъ.

Ихъ Благородія:

Александръ Христьяновичъ Дуропъ.

. Назимовъ.

Иванъ Александровичъ Богдановъ.

Федоръ Пепровичъ Миллеръ.

. Родзянка

Ореспъ Михайловичъ Сомовъ.

Купцы:

Павель Петрович	Неупокоевъ.	
.	Галибинъ.	
Михайло Тимофеевичъ Вахрушевъ . .		2 экз.
Петръ Владиміровичъ Холшевниковъ.		
Павель Ивановичъ Кудряшевъ.		
.	Смирновъ.	
.	Никулинъ.	
.	Пономаревъ.	
Неизвѣстная особа.		
Иванъ Васильевичъ Сленинъ		25 экз.
Василій Алексѣевичъ Плавильщиковъ .		20 —
Илья Ивановичъ Глазуновъ		10 —
Леоншій Леонъевичъ Свѣшниковъ . .		10 —
Иванъ Ивановичъ Заикинъ		5 —

Въ *Москвѣ*.

Газетная Экспедиція Московскаго Почтъ-		
Ампа		11 —
Его Высокопревосходительснво Иванъ Ивано-		
вичъ Дмишріевъ.		
Его Превосходительснво Николай Николаевичъ		
Сандуновъ.		
Его Высокоблагородіе Максимъ Ивановичъ Нев-		
зоровъ.		
Его Высокоблагородіе Левъ Алексѣевичъ Цвѣ-		
таевъ.		
Его Высокоблагородіе Михайло Трофимовичъ Ка-		
ченовскій.		

Ея Высокоблагородіе Александра Ильинишна Губарева.

Университетская книжная лавка . . . 2 экз.

Въ *Воронжѣ*.

Капишанъ Николаевъ.

Капишанъ Безсоновъ.

Типулярный Совѣтникъ Немяшовъ.

Въ *Астрахани*.

Провіантской Комишеть.

Александръ Михайловичъ Тургеневъ.

Николай Ильичъ Немяшовъ.

Купецъ Лапшинъ.

Брашья Сапожниковы.

Максимъ Даниловичъ Смирновъ.

Въ *Вязьмѣ*.

Маіоръ Карабановъ.

Коллежскій Ассессоръ Горожанскій.

Въ *Вязникахъ*.

Земскій Исправникъ Полуэховъ.

Въ *Вяткѣ*.

Г. Гражданскій Губернаторъ Добринскій.

Г. Вице-Губернаторъ Александръ Яковлевичъ
Жмакинъ

Протоіерей Пешръ.

Въ *Бахмутѣ*.

Луганскаго Лишайнаго завода 6 Класа М. Чернявскій.

Въ *Бійскѣ*.

Купецъ Захаровъ.

Въ *Бирючахъ*.

Слобода Алексѣевская.

Въ *Георгиевскѣ, Кавказ. Губ.*

Его Высокоб. Алексѣй Ѳедоровичъ Ребровъ.

Въ *Бѣлгородѣ*.

Порупчикъ Бекорюковъ.

Полковникъ Борщовъ.

Въ *Егорьевскѣ*.

Его бл. М. И. Снпшкинъ.

Въ *Раниенбургѣ*.

Ея бл. Марья Владиміровна Пропашьева.

Въ *Казани*.

Газетная Экспедиція 5 экз.

Въ *Корчевѣ*.

Въ село Ѳедоровское 6 Клас. Римскій-Корсаковъ.

Въ *Липецкѣ*.

Типулярный Совѣтникъ Шпейнъ.

Въ *Калязинѣ*.

Надзирашель Ложинскій.

Въ *Валдаѣ*.

Смопришель Училищъ Образцовъ.

Въ *Мосальскѣ*.

Купецъ Алпуховъ.

Въ *Измѣ*.

Его благ. Андрей Алексѣевичъ Времель.

Въ *Орлѣ*.

Графъ Сергѣй Михайловичъ Каменскій.

Въ *Оренбургѣ*.

Генераль опшъ Инфантеріи Эссенъ.

Въ *Новгородѣ*.

Губ. Регистр. Сухочевъ.

Смоприсель 9 Класа Ермолаевъ.

Въ *Нижнелъ Новгородѣ*.

Надв. Совѣш. Волковичъ.

Въ *Новосилѣ*.

Маіоръ Казаковъ.

Въ *Инсарѣ*.

Уѣздный Предводитель Липвиновъ.

Въ *Пензѣ*.

Кол. Совѣш. Есиповъ.

Въ *Оренбургѣ*.

Генераль Маіоръ Ракузу.

Въ *Павловскѣ*.

Подполковникъ Бедряга.

Въ *Сибирскѣ*.

Кол. Совѣш. Крыловъ.

Оренбургской Почп. Конп. Тишул. Совѣш. Звенигородскій.

Въ *Самарѣ*.

Тишул. Совѣш. И Н Вшорово.

Въ *Волскѣ*.

Тишул. Совѣш. Горяиновъ.

Въ *Рязини*.

Протоіерей Твердовъ.

Губернскій Прокуроръ Озерскій.

(Продолженіе впрѣдъ)